

Г Л А В А XVIII.

Отечественная война.

(1811—1812 г.)

Зима вполне уже вступила въ свои права.

Въ засыпанныхъ снѣгомъ селеніяхъ Курлисарви и Эбо мирно ютились по жалкимъ хатамъ Рязанскія роты, отдыхая вмѣстѣ съ оцѣпенѣвшей, скованной льдомъ и январскими морозами, дикой природой Финляндіи. Только шефскій баталіонъ въ Гельсингфорсѣ проявлялъ еще нѣкоторую дѣятельность, не выходявшую, впрочемъ, изъ круга обыкновенныхъ обязанностей гарнизонной службы.

Зато въ штабной канцеляріи замѣтно было большое оживленіе, передавшееся вскорѣ всѣмъ частямъ полка. Изъ Каргопольскаго рекрутскаго земскаго депо ожидали прибытія значительной партіи молодыхъ солдатъ.¹ Указъ военнаго министра предписывалъ выдѣлить на укомплектованіе 31 Егерскаго полка 60 ч. рядовыхъ, наконецъ имѣлись распоряженія о готовности къ маршу по первому требованію. 12 января грохотъ барабановъ огласилъ всегда пустынные улицы Гельсингфорса; это Рязанцы отдавали послѣднія воинскія почести умершему товарищу подпоручику Башунту; черезъ два дня тотъ же барабанный бой возвѣстилъ другое не печальное, а радостное событіе: походъ на родину.

Словно въ муравейникѣ все зашевелилось, мгновенно распределены по ротамъ подоспѣвшія къ 14 января Каргопольскія укомплектованія (434 ч.), люди, назначенные въ егеря, отправлены, обозъ севенъ въ Гельсингфорсѣ, гдѣ и оставленъ, подъ наблюденіемъ подпо-

ручика Барыло, впредь до особаго приказанія объ отправленіи его къ полку;² менѣе чѣмъ въ двое сутокъ сборы закончены.

Какія же обстоятельства вызвали столь внезапную перемѣну въ жизни Рязанцевъ?

Официальная переписка мотивировала походъ желаніемъ совкупить дѣйствительно до чрезвычайности разбросанные полки однихъ и тѣхъ же дивизій; но на самомъ дѣлѣ чужая гроза европейской войны, войны, подобно которой Россія не видѣла со временъ Великаго Петра.

Въ полку, однако, никто не предугадывалъ грядущихъ событій; политикой не занимались, да и мудрено слѣдить за ней изъ финскихъ трущобъ; врагъ не указанъ, значить пока благополучно и фактъ экстреннаго зимняго похода не представляетъ ничего особеннаго. Развѣ въ теченіи вѣковой службы не привыкли Рязанцы съ быстротою молніи переносить знамена свои изъ странъ Кавказа къ мрачнымъ утесамъ Скандинавіи, а оттуда на далекій западъ, черезъ моря средь бури, къ берегамъ тихаго нѣмецкаго Рейна.

Хорошо знакомы имъ были и германскія равнины и польскія болота, равно какъ и величественно грозная природа среди необъятныхъ пространствъ замерзшаго Ботническаго залива. Въ ту пору ко всему надлежало быть готовымъ; почивать на лаврахъ не приходилось.

И съ чистой совѣстью честно исполненнаго долга покинули Рязанцы надолго, быть можетъ навсегда, памятную въ полковыхъ лѣтописяхъ Финляндію. Въ Литву, къ Нѣману, на стражу западныхъ границъ спѣшили они теперь, смиренно предаваясь волѣ Божіей, не забѣгая догадками впередъ. 1 февраля встрѣтилъ полкъ въ деревнѣ Вилаіокахъ, Выборгской губерніи; еще одинъ мѣсяць марша привелъ его въ деревню Заполье, Лужскаго уѣзда, С.-Петербуржской губерніи.³

Въ тихомъ заброшенномъ углу Заполья, на дневкѣ, настигъ Рязанцевъ Высочайшій приказъ отъ 20-го января, увольняющій за ранами отъ службы командира полка, полковника графа Алексѣя Ива-

новича Бензеля и подполковника графа Константина Петровича Толстого. Батальоны ихъ стали вакантными, въ командованіе же полкомъ вступилъ временно, а впоследствии утвержденный въ этой должности, свой же штабъ-офицеръ, майоръ Алексѣй Максимовичъ Ореусъ.

Между тѣмъ, по мѣрѣ движенія, чѣмъ болѣе сокращалось разстояніе, отдѣлявшее полкъ отъ западной Двины, тѣмъ болѣе замѣтны обширныя военныя приготовленія и слышались повсюду толки, предсказывающіе неизбежность кроваваго столкновенія съ Франціей. Давно ли, всего лишь четыре года, какъ на Нѣманѣ Рязанцы были свидѣтелями великаго историческаго событія: примиренія двухъ Императоровъ. Неужели вражда возникла вновь, неужели между друзьями явились такія недоразумѣнія, что разрѣшить ихъ могъ только мечъ и огонь? Строго говоря, ничего подобнаго не произошло; напротивъ, Наполеонъ пользовался всякимъ случаемъ, дабы подчеркнуть неизмѣнность дружескихъ чувствъ къ Императору Александру, съ своей стороны Царь Россіи старался отвѣчать тѣмъ же, однако роковой ходъ исторіи оказался сильнѣе человѣческихъ усилій сохранить миръ.

Солдатъ-Императоръ, передъ которымъ трепетала Европа, видѣлъ одну Россію только съ гордо приподнятой головой, не поступившей еще правами великой державы. Уже въ подобной равноправности востока съ западомъ скрывался зародышъ большихъ для мира опасностей. Достаточно было ничтожныхъ разногласій, чтобы нарушить шаткое равновѣсіе. И съ 1810 года на горизонтѣ добрыхъ отношеній понемногу начинаютъ обрисовываться тучи. Россія не придерживается строго континентальной системы, ведетъ двусмысленную политику въ критическія для Наполеона минуты войны съ Австріей 1809 года; Франція уклоняется отъ обязательствъ по отношенію къ дѣламъ Балканскаго полуострова, принятыхъ на себя въ Тильзитѣ, нарушаетъ владѣтельные права германскихъ князей, родственниковъ Россійскаго Императорскаго дома. Сердечная переписка между главами обѣихъ государствъ продолжается, но не дремлютъ враждебные союзу съ Франціей элементы, обостряя раздоръ. Вскорѣ Наполеонъ, не стѣняясь, сталъ уже открыто предостерегать Россію, ласкалъ поляковъ, увеличивалъ войска, снабжалъ крѣпости на Вислѣ. Простая предосторожность требовала отвѣтныхъ мѣръ нашего правительства и вооруженія приняла неслыханные до сего размѣры.

Наряду съ вооруженіями шла подготовка къ войнѣ общественнаго мнѣнія и тѣ, кому надо, ловко повели ее. Въ каждомъ иностранцѣ, толпа видѣла шпіона француза. Наполеонъ величался не иначе, какъ антихристомъ, а его угрозы—направленными противъ вѣры и народности. При общемъ все усиливающимся возбужденіи одна лишь армія сохранила твердое спокойствіе, отдавая должное врагу, безъ кичливости, сознавая силу свою, она преисполнена была святости лежащаго на ней долга: защиты родины.

Съ великимъ трудомъ совершая маршъ по непролазнымъ бѣлорусскимъ дорогамъ, въ послѣднихъ числахъ марта достигли Рязанцы города Полоцка. Объ отдыхѣ думать не приходилось, съ похода немедленно же приступлено къ работѣ. Перво на перво, ради опредѣленія годности людей къ полевой службѣ, произведенъ тщательный смотръ полку. За старостью и болѣзнями исключены: капитанъ Устинъ Ивановичъ Лесневскій, поручикъ Иванъ Александровичъ Алексѣевъ и 277 нижнихъ чиновъ. Маіоръ Василій Михайловичъ Чащыжниковъ убылъ въ Московскій гарнизонный полкъ.⁴

Тогда же приведенъ въ исполненіе Высочайшій приказъ отъ 22 февраля: полкъ изъ мушкатерскаго переименованъ въ Рязанскій пѣхотный, названіе ротъ и баталіоновъ по фамиліямъ, какъ потерявшее всякій смыслъ, уничтожено. Вообще, въ состоявшихся наканунѣ войны распоряженіяхъ замѣтно стремленіе упростить организацию войскъ. Теперь части полка вѣдно различать только по номерамъ.

Баталіонамъ присвоены № № 1-й, 2-й и 3-й; ротамъ 1-го баталіона № №: 1-я гренадерская, 1-я, 2-я 3-я мушкатерскія. Ротамъ 2 баталіона: 2-я гренадерская, 4-я, 5-я, 6-я мушкатерскія; ротамъ 3-го баталіона: 3-я гренадерская, 7-я, 8-я и 9-я мушкатерскія.

Фактическими командирами ротъ, согласно новаго положенія, назначены:⁵

- 1-й гренадер. Штабсъ-капитанъ Эйлеръ,
- 1-й мушкатер. Штабсъ-капитанъ Роговскій,
- 2-й „ Капитанъ Пряжевскій,
- 3-й „ Штабсъ-капитанъ Ивиковъ,
- 2-й гренадер. Поручикъ Полозовъ,

- 4-й мушкатер. Штабсъ-капитанъ Горенбургъ,
 5-й „ Капитанъ Лау,
 6-й „ Штабсъ-капитанъ Фризе,
 3-й гренадер. Капитанъ Закревскій,
 7-й мушкатер. Капитанъ Осокинъ,
 8-й „ Капитанъ Черимовъ,
 9-й „ Штабсъ-капитанъ Контевъ.

Шефъ полка—генераль-маіоръ Алексѣевъ числился въ 1-й гренадерской ротѣ; командиръ полка маіоръ Ореусъ въ 3-й гренадерской; маіоры Богдановъ и Вульфъ въ 1-й и 9-й мушкатерскихъ ротахъ. Кромѣ указанныхъ нашлась, конечно, бездна другихъ мелкихъ занятій по хозяйству, а со всеѣмъ этимъ надлежало снѣдить, такъ какъ дни квартированія въ Полоцкѣ были уже сочтены. Прошло не болѣе двухъ недѣль апрѣля и полкъ выступилъ къ Динабургу.

Цѣль передвиженія Рязанцевъ на 150 верстъ внизъ по Двинѣ можетъ быть объяснена только желаніемъ привлечь ихъ къ инженернымъ работамъ. Въ то время укрѣплялись важнѣйшіе пункты нашей западной границы: Рига, Бобруйскъ, Кіевъ, Динабургъ, Собежъ; у Дриссы вооружался укрѣпленный лагерь и хотя, какъ говорятъ, на работы употреблены были жители ближайшихъ окрестностей, но не сидѣлъ и полкъ сложа руки, о чемъ свидѣтельствуетъ чрезвычайное напряженіе его физическихъ силъ, выхватывавшее десятками людей изъ строя.

У Динабурга полкъ временно, за недостаткомъ помѣщеній, расположился въ шалашахъ, съ 1-го же іюня перешелъ во вновь выстроенные бараки, закончивъ такимъ образомъ 3-хъ мѣсячный походъ съ береговъ Финскаго залива къ берегу Западной Двины.

Только теперь составленный отчетъ движенія показывалъ 29 человекъ погибшихъ въ пути, не считая больныхъ исключенныхъ, какъ сказано выше, сейчасъ же послѣ прибытія въ Полоцкъ. Потери эти, однако, уже 31-го мая вознаграждены зачисленіемъ 288 ч. молодыхъ солдатъ изъ рекрутъ Московскаго гарнизоннаго полка.⁶

Удручающую картину военнаго стана, неподготовленнаго къ принятію ежечасно ожидаемаго врага, представлялъ Динабургъ.

Трудятся съ утра до ночи Рязанцы надъ возведеніемъ твердынь, преграждающихъ дорогу къ С. Петербургу; летятъ дни, недѣли, мѣсяцы, но успѣхъ мало замѣтенъ; въ изнеможеніи опускаются руки; ни средствъ, ни времени не хватаетъ для выполненія всѣхъ инженерныхъ предположеній. А слухи о сборѣ значительныхъ непріятельскихъ армій въ сѣверной Германіи, о стягиваніи ихъ къ русскимъ границамъ день ото дня становятся чудовищнѣе; тихо скрываемое ликованіе поляговъ и другихъ вражьихъ элементовъ, которыми такъ полна наша западная окраина, рвется наружу, заранѣе торжествуя побѣду; ко всѣмъ невздамъ присоединяется тифъ. Въ августѣ и сентябрѣ болѣзнь приняла особенно острый характеръ, похитивъ 116 человекъ.⁷ Рѣдкій день обходился, чтобы не отпѣвали Рязанцы товарища, а то за разъ по два и по три.

Растетъ число могильныхъ крестовъ на двинскихъ пескахъ; огненное знаменіе, комета на небѣ, является какъ бы предвѣстникомъ еще большихъ бѣдствій и нѣтъ успокоенія истомленнымъ сердцамъ русскихъ воиновъ. Все чаще, все усерднѣе посѣщается церковный наметъ. Склоненные передъ строгимъ ликомъ старинной полковой иконы Грузинской Божьей Матери, горячо возносятъ Рязанцы молитвы о спасеніи отечества, о приумноженіи твердости духа и силъ тѣлесныхъ въ эти тяжкія минуты испытаній. И не оставила Владычица небесная съ вѣрою къ Ней прибѣгающихъ; полкъ стойко перенесъ кризисъ: за три самыхъ ужасныхъ мѣсяца съ іюня по октябрь бѣжало всего 7 человекъ малодушныхъ, преимущественно иностранцевъ. Такъ протекло лѣто, осень застала Динабургъ обезпеченнымъ усиліями Рязанцевъ, по крайней мѣрѣ, отъ атакъ открытою силою. До войны въ 1811 году все таки не дошло. Императоръ французъ откладывалъ исполненіе враждебныхъ противъ Россіи замысловъ, чтобы приготовить еще большія силы къ борьбѣ, важность которой не ускользала отъ его орлиного взора.

Гдѣ лаской, гдѣ угрозами онъ подчинилъ себѣ, въ качествѣ вспомогательныхъ корпусовъ, войска почти всѣхъ государствъ Европы. Образовалась армія въ 600 т. человекъ слишкомъ при 1242 орудіяхъ и 120 т. лошадей.⁸ Объ удовлетвореніи нуждъ такихъ массъ людей и лошадей надлежало серьезно и заблаговременно поза-

ботиться; одинъ лишь вопросъ фуражнаго довольствія оказался столь трудно разрѣшимымъ, что требовалъ открытія военныхъ дѣйствій не ранѣ, какъ появится подножный кормъ.⁹

Противоставя ничтожнымъ средствамъ Россіи неизсякаемый источникъ богатствъ запада, свои гениальныя въ ратномъ дѣлѣ способности, Наполеонъ нисколько не смущался отсрочкой, долженствующей, повидимому усилить противника.

Но много ли мы въ состояніи были достигъ въ какіе-нибудь 5 — 6 мѣсяцевъ? Въ количественномъ соотношеніи вооруженныхъ силъ, Россія не могла сравняться съ Франціей. Вся численность русскихъ войскъ, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ нашего обширнаго отечества, доходила до 400 т. ч. Изъ этого числа неоконченная война съ Турціей, Кавказъ, Крымъ, Новороссія и Финляндія задерживали около 200 т., къ границамъ, слѣдовательно, въ 1811 году, выступило не болѣе 150 т. противъ 380 т. французовъ. Отсрочка разрыва до іюня 1812 года увеличила наши западныя арміи только на 50 т. человекъ, Наполеонъ въ то время двинулъ черезъ Нѣманъ въ Россію 600 т. Такимъ образомъ, первая данная обстановка изображается крупнымъ съ нашей стороны минусомъ. Невыгоды ея парализовались успѣшнымъ заключеніемъ мира съ Турціей, несмотря ни на какія жертвы, что освобождало многочисленныя отборные полки, находившіеся на Дунаѣ, и затѣмъ быстрымъ сосредоточеніемъ войсковыхъ массъ сообразно принятымъ для веденія войны рѣшеніямъ.

Не касаясь политическихъ обстоятельствъ, затянувшихъ мирные переговоры съ турками, мы прямо перейдемъ къ послѣднему условію въ предѣлахъ, конечно, скромной Рязанской хроники. Какія были намѣренія высшихъ военныхъ властей, въ случаѣ гроза войны разразилась бы въ 1811 году, неизвѣстно. Полковые документы, кромѣ какъ о Динабургскихъ работахъ, ни о чемъ больше не упоминаютъ. Впервые слово «сосредоточеніе» дивизіи слышали Рязанцы въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда для означенной цѣли полку предписано идти, безъ замедленія, обратно въ Полоцкъ.

День выступленія изъ Динабурга нынѣ трудно обозначить, извѣстно лишь, что 1-го ноября полкъ находился уже на маршѣ въ Ви-

тебской губерніи, въ деревнѣ Чуриловцахъ, черезъ 2--3 недѣли расположился по квартирамъ: въ г. Полоцкѣ штабы полковой и баталіонные, въ деревнѣ Бѣлой (число дворовъ 16) роты 1-го баталіона, въ деревнѣ Семенчѣ (дворовъ 14) Полоцкаго уѣзда — роты 2-го баталіона, въ деревнѣ Лысой (дворовъ 18) того же Полоцкаго уѣзда — роты 3-го баталіона.¹⁰ О подраздѣленіи войскъ на арміи и корпусу не было еще и помину, а 17 дивизія вотъ уже болѣе года оставалась безъ начальника. Въ Финляндіи командовалъ ею шефъ нашъ г. м. Алексѣевъ, съ іюня въ Динабургѣ г. м. Тучковъ, въ августѣ опять генералъ Алексѣевъ и лишь только въ концѣ сентября прибылъ настоящій начальникъ генералъ-лейтенантъ гр. Олсуфьевъ 3-й, который основалъ свою дивизионную квартиру при Рязанскомъ полку.¹¹ Главная дѣятельность Рязанцевъ въ періодъ сосредоточенія дивизіи до 1-го января 1812 г., т. е. въ теченіи ноября и декабря, заключалась въ принятіи и распредѣленіи послѣднихъ передъ войной укомплектованій. Они состояли всего изъ 385 рядовыхъ, доставленныхъ Московскимъ гарнизоннымъ полкомъ, Ярославскимъ и Бѣлевскимъ рекрутскими депо. Составъ офицеровъ обновился двумя штабъ-офицерами; маіоръ Новиковъ произведенъ изъ капитановъ учебнаго гренадерскаго баталіона и Травинъ переведенъ изъ Екатеринославскаго гренадерскаго полка; пятью оберъ-офицерами — прапорщики Павловскаго гренадерскаго полка: Барсуковъ, Синеековъ I, Синеековъ II, Сонгайло и Псковскаго пѣхотнаго поручикъ Михайловскій.

Въ итогѣ 1811 года показана убыль 3 штабъ-офицеровъ, 3 оберъ-офицеровъ и 629 нижнихъ чиновъ, на пополненіе которыхъ поступило штабъ-офицеровъ 2, оберъ-офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ 1107.¹² Дѣйствительно усилившимъ полкъ элементомъ, къ началу открытія военныхъ дѣйствій, является, такимъ образомъ, 478 ч. нижнихъ чиновъ. Число офицеровъ не переставало увеличиваться и въ первые мѣсяцы 1811 года, такъ 31 января изъ кадетъ дворянскаго полка выпущенъ въ Рязанскій подпоручикъ Тихоновъ и прапорщики: Климовичъ 2-й, Фотьевъ, Смирновъ и Пузыревскій. Изъ Вильманстрандскаго пѣхотнаго переведены маіоръ Амантовъ (въ мартѣ) и Новиковъ (8 мая), оставили же службу за ранами 13 февраля маіоры Травинъ и Лукьяновичъ. Убыль, слѣдовательно, 5 штабъ-офицеровъ

и 3 оберъ-офицеровъ пополнена была до 1-го іюня 1812 четырьмя штабъ и десятью оберъ-офицерами.¹³

Между тѣмъ, начало памятнаго года отечественной войны ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось. Затихше передъ бурей; уже послѣдніе двѣ недѣли января вполнѣ доказали это. Рядъ важнѣйшихъ указовъ быстро и рѣзко измѣнилъ обстановку. Войска, расположенныя на западныхъ границахъ, сведены въ корпуса и раздѣлены на двѣ арміи (первую и вторую), Рязанскій полкъ входитъ въ составъ 2-го корпуса г. л. Баггевута (дивизіи 4 и 17), причисленнаго къ 1-й арміи, имѣвшей состоять подъ начальствомъ генерала отъ инфантеріи Баркляя-де-Толли.¹⁴

Первымъ дѣломъ полку надлежало перейти на лѣвый берегъ Западной Двины и незначительными маршами подаваться къ Нѣману, выжидая сближенія прочихъ частей корпуса, разбросанныхъ въ губерніяхъ С.-Петербургской, Псковской, Витебской, Гродненской, Могилевской, Минской и Курляндской.¹⁵ До настоящаго момента въ занимаемомъ Рязанцами расположеніи перемѣнъ никакихъ не произошло; сборное мѣсто баталіоновъ значилось при штабъ-квартирѣ полка, сборное мѣсто дивизіи не предположено, «ибо, какъ отмѣчено въ росписаніи,¹⁶ назначеніе онаго зависитъ отъ обстоятельствъ». Послѣдняя оговорка становится вполнѣ понятной лишь послѣ ознакомленія съ результатами сосредоточенія 17 дивизіи, того сосредоточенія, къ которому стремились мы чуть ли не съ января минувшаго года и которое октябрскіе указы формально предписывали къ 1-му февраля 1812 года. Площадь квартирнаго раіона нашей дивизіи представляла фигуру треугольника: вершина его лежала у С.-Петербурга, а два другихъ острыхъ угла на З. Двинѣ, у Витебска и Писибурга; длинныя стороны треугольника по воздушной линіи составляли около 500 верстъ каждая, основаніе же равнялось 230 верстъ. Болѣе сосредоточенно размѣщена была пѣхота, но и здѣсь разстояніе по фронту между Полоцкомъ (Рязанскій полкъ) и Новоржевомъ (Вильманстрадскій полкъ) доходило до 200 верстъ и столько же занимала въ глубину.¹⁷

Очевидно, что сборъ дивизій потребовалъ бы очень много времени (5 — 6 недѣль); исходя изъ этого, полкамъ для предстоящаго

марша дано общее кратчайшее направление къ западной границѣ, не намѣчая пункта соединенія, которое имѣло произойти гдѣ то въ окрестностяхъ Вильно.

Согласно организациі резервовъ, объявленной еще 22 февраля 1811 года, полкъ выступилъ въ военный походъ въ составѣ 2-хъ баталіоновъ: 1-го и 3-го, 2-й же баталіонъ, безъ гренадерской роты, подъ названіемъ запаснаго, долженъ былъ оставаться въ своихъ квартирахъ и комплектовать дѣйствующіе баталіоны. Вторую часть полкового резерва составляли рекрутскія депо, преобразованныя указомъ 9-го ноября 1811 года на слѣдующихъ основаніяхъ: изъ рекрутъ послѣдняго набора, собранныхъ въ депо, предписывалось сформировать четвертые трехротные баталіоны пѣхот. полковъ, каждый въ 500 ч. рекрутъ и кадра 7 офицеровъ и 52 нижнихъ чиновъ (на роту 2 оберъ-офицера, 17 нижнихъ чиновъ).

Выдѣленіе и снаряженіе кадровъ для 4-го резерваго баталіона поглотило всю дѣятельность полка наканунѣ похода. Въ запискахъ, данныхъ Государемъ Императоромъ для памяти военному министру, читаемъ:¹⁸ «Предписать всѣмъ начальникамъ дивизіи немедленно въ каждомъ полку выбрать лучшаго поручика въ поведеніи, расторопности, знаніи фронта, а особливо въ умѣнн обучать нижнихъ чиновъ, произвести ихъ въ штабсъ-капитаны, несмотря на старшинство, и, не ждавъ производства, командировать съ назначенными учебными командами (кадрами) въ рекрутскія депо. Команды составить изъ лучшихъ людей и выборъ сей сдѣлать въ полку изъ девяти ротъ, кромѣ 3-хъ гренадерскихъ. Унтеръ-офицеры, особливо, чтобы были лучшіе изъ всего полка. Въ командѣ отъ полка быть одному закройщику и четыремъ портнымъ. Прибыть командамъ въ депо еще до прихода рекрутъ.» Выборъ лучшаго офицера, представленнаго въ штабсъ-капитаны, остановился на поручикѣ Гавриленко, съ нимъ вмѣстѣ командированы въ г. Бѣлевъ, гдѣ теперь находилось рекрутское депо 17 дивизіи, подпоручики Морозовичъ и Савиковъ.¹⁹

2-й запасный баталіонъ, оставленный въ Полоцкѣ подъ командою майора Дубровина, считалъ на лицо: 1 штабъ, 7 оберъ-офицеровъ, 95 унтеръ-офицеровъ, 10 музыкантовъ, 345 рядовыхъ, нестроевыхъ 46 ч., лошадей 25.²⁰

Всѣ распоряженія послѣднихъ дней, проводы товарищей, устройство личныхъ дѣлъ и т. п. ничѣмъ, однако, не были въ сравненіи съ грустнымъ извѣстіемъ о тяжелой болѣзни шефа г. м. Алексѣева; слишкомъ уже оно живо затрогивало и далекое прошлое, и настоящее, и полное загадочности будущее полка. Какъ то не хотѣлось вѣрить, что во главѣ Рязанцевъ не будетъ больше ихъ стараго доблестнаго шефа начальника. Но Иванъ Степановичъ дѣйствительно заканчивалъ свою служебную карьеру. Конечно ему, екатерининскому воину, не годы давали себя чувствовать, а послѣдствія безпрестанной боевой походной жизни. Финляндская кампанія, биваки у Динабурга окончательно сломили богатырское здоровье. Разбитый ревматизмомъ, прикованный къ постели, г. м. Алексѣевъ больше уже не увидѣлъ Рязанскихъ знаменъ, славъ которыхъ онъ такъ много содѣйствовалъ. Исправляемую Иваномъ Степановичемъ должность бригаднаго командира, до прибытія вновь назначеннаго г. м. графа Ивелича, принялъ командиръ Бѣлозерскаго полка полковникъ Чубаровъ.

1-го февраля, перейдя по льду З. Двину, оставили Рязанцы Полоцкъ. Въ двухбаталіонномъ полку, подъ начальствомъ недавно произведеннаго въ подполковники Алексѣя Максимовича Ореуса, состояло въ строю на лицо 3 штабъ-офицера, 39 оберъ-офицеровъ, 100 унтеръ-офицеровъ, 52 музыканта и 1632 рядовыхъ, подъемныхъ лошадей—112.²¹ Зима стояла снѣжная, морозная, выравнялись знаменитыя неустройствомъ литовскія дороги и полкъ безъ труда достигъ мѣстечка Поставы, гдѣ имѣлъ первый болѣе значительный, отдыхъ.

Изъ Поставы Рязанцы во второй половинѣ февраля перешли въ мѣстечко Маляты въ 3 перехода, а считая съ растагами — въ 5 дней.²² По отчетамъ къ 1 марта полкъ показанъ въ м. Лобонарахъ; въ квартирномъ росписаніи пѣхот. дивизіи отъ 25 марта опять въ Малятахъ.²³ Вообще періодъ сбора 2-го корпуса отличается частыми измѣненіями маршрутовъ; гренадеры и кавалерія Корфа выходятъ изъ состава его,²⁴ а относительно нашей дивизіи писалъ 20 февраля военный министръ командиру 1-го корпуса г. Витгенштейну:²⁵ «17 дивизія поступитъ подъ начальство Ваше; о времени ея выступленія своевременно получите увѣдомленіе отъ г. л. Ессена 1-го.»

Маршъ къ Лобонарамъ повидимому находился въ связи съ этимъ оставленнымъ вскорѣ предположеніемъ и Маляты, мѣстечко Вилько-

мирскаго уѣзда, въ 70 верстахъ разстоянія отъ Вильно, слѣжалось пунктомъ средоточенія полка въ районѣ квартиръ 2-го корпуса. Штабъ дивизіи расположился по близости, въ 20 верстахъ, въ мѣстечкѣ Дубинки,²⁶ что много способствовало теперь быстрому исполненію приказаній объ окончательномъ устройствѣ полковыхъ дѣлъ, настойчиво требующихъ рѣшенія. Въдѣ, строго говоря, до сихъ поръ вопросы хозяйственные строевыхъ частей войскъ какъ будто были позабыты. Такъ до начала февральскаго похода намъ удалось найти одно только распоряженіе, касающееся передачи полку лазаретныхъ повозокъ изъ уничтоженныхъ отъ артиллеріи. Отсутствіе главнокомандующаго, позднее сформированіе высшаго направляющаго органа штаба арміи—безспорно были причиною столь ненормальнаго явленія. Что подобное заключеніе близко къ истинѣ, свидѣтельствуютъ приказы по 1-й западной арміи. 31 марта г. Барклай - де - Толли вступилъ въ командованіе и того же числа уже потребованы свѣдѣнія: какое количество имѣется въ полкахъ повозокъ и лошадей, съ показаніемъ цѣны оныхъ.²⁷ Черезъ 5 дней опредѣлено: шефамъ полковъ или командирамъ — по 1 повозкѣ въ 3 лошади, подполковникамъ, кои командуютъ полками, одна повозка въ 2 лошади, полковникамъ, кои не шефы и не командиры, повозка въ 2 лошади тоже и маіорамъ.²⁸

Въ дивизіи рѣшено имѣть одну лишь полковую церковь, остальные, утюковавъ, немедленно отправить въ Смоленскъ.²⁹ Постройка мундирной одежды и шитье 2-й пары сапогъ на 1812 годъ производилось поспѣшнѣйшимъ образомъ; за покупкою вещей по штату не положенныхъ, но необходимыхъ для похода, командированъ въ С.-Петербургъ подпор. Старковъ. Одновременно послѣдовали назначенія: Штабсъ-капитанъ Эйлеръ гевальдигеромъ 2 корпуса, поручикъ Михайловскій оберъ-вагенмейстеромъ 17 дивизіи, маіору Амантову приказано состоять при начальникѣ 17 дивизіи.³⁰

Торопливость, какъ слѣдствіе упущеннаго времени, знаменовала такимъ образомъ послѣднія наши приготовленія, когда же въ теченіи апрѣля стало извѣстно, что французскія войска наводнили Пруссію, перешли частью за Одеръ, а передовые ихъ корпуса уже на Вислѣ — горячка усилилась.

Подъ давленіемъ такихъ неблагопріятныхъ данныхъ могло ли быть доведено до конца устройство полка? Масса существенныхъ распоряженій военно-административнаго характера, распоряженій хозяйственныхъ, переплетались съ неотложными приказаніями, вытекающими изъ стратегическихъ соображеній. Послѣднія, имѣя въ виду наилучшее расположеніе арміи до встрѣчи съ противникомъ, не отличались однако устойчивостью. Полкъ непрерывно держится въ самомъ напряженномъ состояніи, совершаетъ утомительные марши съ бездной своихъ домашнихъ дѣлъ на рукахъ, которыя въ концѣ принуждены бросить, жестоко расплачиваясь за то впоследствии.

Непосредственное ознакомленіе съ документами безъ лишнихъ словъ отчетливо разъяснитъ тяжелую обстановку наканунѣ вторженія Наполеона въ Россію.

Западная наша граница въ 1812 году проходила тамъ, гдѣ теперь Виленское и Кіевское генераль-губернаторства отдѣляются отъ Привислянскихъ губерній. Прилежавшія къ границѣ области обширнымъ болотистымъ пространствомъ р. Припети, такъ называемымъ Полѣсьемъ, раздѣлялись на двѣ части или на два театра военныхъ дѣйствій. Противникъ при наступленіи могъ избрать направленіе сѣвернѣе или южнѣе Полѣся.

Раіонъ этотъ является обширною равниною, изрѣзанною притоками рѣкъ З. Двины, Днѣпра и Буга, не представлявшими серьезныхъ препятствій для наступленія. Ни горныхъ хребтовъ, ни водныхъ пространствъ, которые могли бы задержать противника по направленію съ запада на востокъ, здѣсь нѣтъ. Нѣманъ не могъ служить оборонительною линіею потому, что обходомъ съ юга, низовья его входятъ въ предѣлы Пруссіи, въ средней же части, которая протекала перпендикулярно наступленію французовъ, мы владѣли тогда только однимъ берегомъ. З. Двина и Днѣпръ не могли составить оборонительныхъ линій при движеніи на востокъ, потому что между ними было открытое пространство шириною около 57 верстъ. Искусственныхъ военныхъ сооружений, строго говоря, не существовало, короче, характеръ театра войны давалъ широкій просторъ для наступленія и не представлялъ почти никакихъ точекъ, а тѣмъ болѣе линій опоры для обороны.

Благодаря двойному и даже тройному превосходству силъ противника, рассчитывать на успѣхъ наступленія съ нашей стороны было невозможно, отсутствіе же во всей Литвѣ естественныхъ и искусственныхъ преградъ не позволяло даже временно задержать французовъ. Оставалось одно — отходить вглубь страны. Отступая, мы сближались съ подкрѣпленіями, а сосредоточивая свои силы, тѣмъ увеличивали ихъ. При такомъ образѣ дѣйствій, могла найтись точка, могъ оказаться день, когда число силъ обѣихъ армій уравнилось бы и отступающій съ надеждою на успѣхъ могъ бы принять бой.

Планъ отступленія вглубь Россіи инстинктивно чувствовался въ воздухѣ, но не былъ принятъ къ руководству. Противъ него высказывалось настроеніе войскъ и общественное мнѣніе, а Государь Императоръ не рѣшался идти наперекоръ народному чувству. Говорятъ, что въ концѣ концовъ Александръ I-й принялъ слѣдующій планъ нѣмецкаго теоретика, генерала Фуля:

Вести оборонительную войну двумя арміями: одною большаго состава дѣйствовать съ фронта, другою меньшаго состава на сообщеніе наступающаго непріятеля; позиціи для обороны избраны, одна у Свенцянь, другая у г. Дриссы на З. Двинѣ, гдѣ строился укрѣпленный лагерь.

Такимъ образомъ, не отступая далеко вглубь страны, надѣялись маневрами двухъ армій удержать противника въ предѣлахъ Литвы до того времени, когда силы его разобьются о двинскіе редуты и батареи.

Что бы однако не говорили о различныхъ планахъ войны, какія бы предположенія не считались принятыми къ руководству главной квартирой, войска, до послѣдней минуты, не знали, будутъ ли наступать или обороняться. Исходяція изъ штаба арміи распоряженія свидѣтельствуютъ скорѣе о полномъ отсутствіи окончательныхъ твердо выполняемыхъ рѣшеній. Только внослѣдствіи за нѣсколько дней до вторженія французовъ мы ухватились за готовый планъ Фуля, затѣмъ бросили его и, силою обстоятельствъ, принуждены были отходить внутрь страны, т. е. какъ бы само собою перешли къ единственному разумному образу дѣйствій.

Группируясь въ окрестностяхъ Вильно, 2-й нашъ корпусъ находился почти въ центрѣ расположенія 1-й арміи на прямомъ пути наступленія противника, который стягивался къ Ковно. Но какъ объ этомъ, такъ и вообще о французахъ мы не имѣли даже приближенныхъ свѣдѣній. У насъ полагали, что отъ Варшавы Наполеонъ пойдетъ на Бѣлостокъ, либо на Гродно, откуда повернетъ или на Вильно, или же черезъ Слонимъ и Несвижъ, къ Смоленску.

Правѣе 2-го корпуса у Кейданъ и Россіенъ, противъ нижняго теченія Нѣмана, стоялъ 1-й корпусъ г. Витгенштейна, лѣвѣе войска 3-го корпуса.

Въ Малятахъ лихорадочно работали Рязанцы, чиня обозъ, сортируя и укладывая вещи, когда 4-го апрѣля съ нарочнымъ курьеромъ доставлено предписаніе корпуснаго командира:³¹ «полкамъ 17 дивизіи быть готовыми къ выступленію по полученіи вторичнаго повелѣнія, куда назначено будетъ. Съ собою взять десятидневный провіантъ и на три дня фуража изъ Вильно.»

Начало апрѣля совпадаетъ съ первыми распоряженіями по арміи г. Баркляя-де-Толли, убѣжденнаго сторонника безусловнаго отступленія, а между тѣмъ вышеприведенный документъ имѣлъ въ виду ни болѣе ни менѣе, какъ вторженіе въ предѣлы Пруссіи, находившейся въ сферѣ вліянія Наполеона. Вотъ что писалъ въ этотъ же самый день главнокомандующій командиру 1-го корпуса:³² «составить отрядъ изъ 6 баталіоновъ, одной батареейной и одной легкой роты, 3-хъ сотенъ казаковъ и подъ благовиднымъ предлогомъ двинуть ихъ къ границѣ по дорогѣ въ Мемель, дабы по первому требованію можно было бы его занять и овладѣть магазинами. Для усиленія въ такомъ случаѣ вашего корпуса, я далъ предписаніе 17-й дивизіи быть въ готовности къ выступленію въ Шавель по первому моему повелѣнію. На сіи предложенія ожидаю Высочайшихъ повелѣній завтрашняго дня, ибо Государь сюда (т. е. Вильно) пріѣдетъ.»

Въ тревожномъ состояніи пребывали Рязанцы; свезенъ провіантъ изъ Вильно, уложены повозки, но вторичнаго повелѣнія о маршѣ на Шавли нѣтъ, какъ нѣтъ; не слышно что то и о прибытіи Государя Императора. Видно, взгляды главнокомандующаго и безъ того пере-

мѣнились. 12-го апрѣля Барклай-де-Толли увѣдомлялъ г. Витгенштейна:³³ «за Ковно Вамъ опасаться нечего, ибо оно будетъ состоять въ дистанціи праваго фланга 1-й арміи, почему для лучшаго съ Вами сношенія и коммуникаціи будетъ расположенъ въ Вилькомирѣ 2-й корпусъ. Цѣль Ваша наблюдать Юрбургъ, Тильзитъ, устье Нѣмана, а при отступленіи—прикрывать Курляндію и г. Ригу, а при наступленіи французовъ на мой правый флангъ или центръ, Вамъ ударить во флангъ ему.»

Маляты отстоятъ отъ Вилькомира верстъ на 45; близость разстоянія наврядъ ли поэтому требовала немедленнаго передвиженія, надо полагать, что полкъ временно остался въ прежнемъ расположеніи, а приѣздъ Императора Александра далъ векорѣ толчекъ новымъ комбинаціямъ.

Въ приказѣ отъ 16 апрѣля читали Рязанцы:³⁴ «объявляется прибытіе въ главную квартиру въ г. Вильно (14 апрѣля) Его Императорскаго Величества. Главнокомандующій надѣется, что присутствіе августѣйшаго Государя нашего безъ сомнѣнія умножитъ въ каждомъ воинѣ рвеніе и усердіе къ службѣ; что всѣ какъ начальники, такъ равно и нижніе чины, употребятъ все возможное стараніе тщательнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей заслужить Монаршее благоволеніе.» Но и безъ сухихъ казенныхъ словъ приказа встрепенулись сердца русскихъ воиновъ на вѣсть о прибытіи Царя въ армію. Официальное уже увѣдомленіе, что Государю Императору благоугодно въ самомъ недалекомъ будущемъ лично осмотрѣть свои храбрыя войска и напутствовать ихъ—произвело настоящій восторгъ. Постараться, дабы не ударить лицомъ въ грязь, стало стремленіемъ всѣхъ въ полку, отъ старшаго до младшаго. Когда и гдѣ состоялся Высочайшій смотръ Рязанцамъ, извѣстій не сохранилось. Смотра по приказу 1-го мая, смотръ произведенъ въ этотъ же день или наканунѣ. Въ приказѣ сказано:³⁵ «Его Императорское Величество объявляетъ совершенное свое благоволеніе всѣмъ полкамъ 17-й пѣхотной дивизіи за порядокъ и устройство, найденное въ оныхъ при осмотрѣ Его Императорскаго Величества и жалуетъ всѣмъ нижнимъ чинамъ по одному рублю на человѣка.»

Милости этимъ не ограничились: генераламъ, штабъ и оберъ офицерамъ, кои на основаніи полеваго провіантскаго управленія п. п.

103 и 105 должны имѣть верховыхъ лошадей, Государь Императоръ пожаловалъ полугодовой окладъ жалованія и велѣлъ выдать его не серебрянной монетой, а ассигнаціями, полагая по 4 рубля на каждый серебрянный рубль;³⁶ женатымъ офицерамъ оставлены квартирныя деньги по тѣмъ окладамъ, по которымъ они получали въ мѣстахъ, откуда полки выступили, наконецъ армейскимъ офицерамъ, опредѣлены для стола порціоны. Порціонъ заключался въ 1 ф. мяса и обыкновенной пропорціи мѣсячнаго провіанта; полагались они только оберъ-офицерамъ; субалтернамъ одинъ порціонъ, штабсъ-капитанамъ и капитанамъ два. Порціонъ непременно въ натурѣ, начало выдачи 16 мая, конецъ съ окончаніемъ войны.³⁷

Осчастливленные Царскимъ спасибо, разошлись Рязанцы по квартирамъ; какъ сонъ промелькнула торжественная обстановка Высочайшей встрѣчи, крики восторга, музыка, несмолкаемое ура. Грозная дѣйствительность опять вступала въ свои права, требуя кровью запечатлѣнныхъ доказательствъ преданности престолу и отечеству.

День 6 мая сразу напомнилъ объ этомъ. Приказомъ по арміи предписано одѣть лѣтнюю одежду, зимнюю же и всѣ тяжести немедленно отправить въ Динабургъ. Вещи, остающіяся къ зачету, перевозить въ казначейскихъ фурахъ на казенныхъ лошадяхъ, прочія полковыя тяжести на обывательскихъ подводахъ, полагая на каждую роту двѣ подводы; отъ полка оставить при тяжестияхъ одного рядового.³⁸

Такимъ образомъ только теперь освобождался полкъ отъ всего излишняго, но много ли было этого лишняго? Мундирной одежды не хватало, шилась поспѣшно она самими неумѣлыми руками и ближайшее начальство, какъ могло, берегло ее. Сбереженіемъ, а не распушенностью вызванъ слѣдующій приказъ Барклая:³⁹ «сдѣлано было уже словесное замѣчаніе, говоритъ онъ, что 2-го корпуса нижніе чины ходятъ внѣ службы не въ форменной одеждѣ, какъ то въ широкихъ разнаго цвѣта шароварахъ, но и за симъ еще встрѣчаются 2-го корпуса люди въ подобной одеждѣ.»

Въ тотъ же день 6-го мая опредѣлился вновь намѣченный планъ будущихъ дѣйствій, совершенно не схожій съ принятой будто бы Фулевской системой веденія войны.

«Въ случаѣ открытія войны, сказано въ предписаніи главнокомандующаго,⁴⁰ предполагается подвинуть войска наши ближе къ Нѣману, дабы, смотря по обстоятельствамъ, перейти за оную всею массою или для лучшаго подкрѣпленія легкихъ войскъ, кои перейдутъ для наблюденія за непріятельскими движеніями. По сему предположенію 2-й корпусъ займетъ позицію близъ Ковно, между Невяжею и Вильею, 1-й корпусъ въ Россіенахъ.

Въ теченіи мѣсяца Рязанскому полку назначена слѣдовательно уже третья позиція, но онъ все еще не покидалъ Малаць, находясь отъ границы верстахъ въ 88.

Кордонную линію по Нѣману, противъ района нашего корпуса, занималъ одинъ лишь Бугскій казачій полкъ, растянутый отъ Олиты до м. Средникъ, гдѣ казаки примыкали къ правому флангу 1-го корпуса, защищавшему пограничную дистанцію отъ р. Дубиссы и м. Средники до Балтійскаго моря.⁴¹

Непріятель нигдѣ не показывался. Долина Нѣмана словно вымерла, только частые казачьи разѣзды шныряли по лѣвому берегу рѣки, зорько всматриваясь въ сторону Польши, да иногда рыбацкія лодки бороздили волны Нѣмана. Съ первыхъ чиселъ мая, однако, распоряженіемъ нашего корпуснаго командира мѣстнымъ рыбакамъ ловля рыбы воспрещена, дабы прекратить сношенія ихъ съ жителями герцогства Варшавскаго.⁴² Открытія войны, а съ ней по условію начала движенія къ границѣ, выжидали Рязанцы съ понятнымъ нетерпѣніемъ. Наполеонъ въ то время пребывалъ въ Дрезденѣ, окруженный раболѣпствовавшими передъ нимъ монархами запада. Это была блистательнѣйшая эпоха его могущества, когда Европа въ чаяніи новыхъ успѣховъ геніальнаго полководца, безмолвно ожидала рѣшенія своей участи. Сотни тысячъ воиновъ, словно на мѣрѣ, сгѣшлись къ востоку, считая за счастье быть участниками великаго похода.

У насъ между тѣмъ все тихо, безъ шуму. Съ 10-го мая, какъ и во дни глубокаго мира, начались полковые и баталіонныя ученія. «Ученіе дѣлать не иначе, какъ по утрамъ, гласилъ приказъ,⁴³ и учить не болѣе 2-хъ часовъ. Людей же передъ ученіемъ задолго не выводить, и только какъ оныя придутъ на учебное мѣсто, то

въ то же время и начальники быть тамъ должны» и далѣе:⁴⁴ »главнокомандующій рекомендуетъ начальникамъ, чтобы люди прикладывались хорошо и не торопились стрѣлять. Послѣ неоднократныхъ о томъ предписаній слѣдовало бы ожидать успѣха въ столь важномъ предметѣ ученія, чего нѣтъ. Исправность ученія не въ томъ состоитъ, чтобы ровно и вдругъ спускали курки, но чтобы прикладывались вѣрно, хорошо прицѣливались и не теряли-бъ на воздухъ своихъ зарядовъ.»

Ученіямъ и систематической цѣльной стрѣльбѣ не много времени посвятили Рязанцы: дней 10—12 не болѣе, а затѣмъ экстреннымъ приказаніемъ двинуть полкъ впередъ, къ границѣ. Вотъ этотъ важный приказъ, помѣченный 21-мъ мая:⁴⁵ «По существующимъ обстоятельствамъ предписано войскамъ 2-го корпуса немедленно занять позицію между рр. Невяжею и Вильею. Отъ Платова поступить одинъ казачій полкъ и вмѣстѣ съ Бугскимъ займетъ дистанцію по Нѣману отъ Румшишека до Средника, казаковъ подкрѣпить легкіе отряды гусаръ и егерей. Обязательная связь съ 1-мъ и 3-мъ корпусами. Войскамъ стоять на позиціи сколь возможно осторожиѣе и быть всегда готовыми къ бою.»

Инструкція для марша требовала взять все предосторожности на счетъ полковыхъ тяжестей, чтобы не мѣшали движенію, а больныхъ заблаговременно отправить въ Динабургъ и Люцинъ.»

Предвиденное указомъ 5-го мая наступленіе совершилось, не выжидая открытія войны и съ цѣлями гораздо болѣе скромными, нежели это предположено было; по крайней мѣрѣ о переходѣ Нѣмана всею массою въ настоящемъ документѣ уже не упоминается. «Войскамъ стоять сколь возможно осторожиѣе, глядя на далѣе, и быть всегда готовыми къ бою. Если въ дистанціи вашей (2-го корпуса) непріятель перейдетъ Нѣманъ, то слабого разбить, а отъ сильнѣйшаго отступать къ Вилькомиру. При отступленіи на каждомъ шагу дѣлать сопротивленіе.»

Изложенный приказъ вечеромъ того же числа дополненъ слѣдующими директивами:⁴⁶ «раньше занятія позиціи у Ковно послать офицеровъ снять планъ ее. На позицію эту вводить не раньше, пока

не получится достовѣрное извѣстіе, что непріятель намѣривается переправиться черезъ Нѣманъ, съ получениемъ чего продвиньте корпусъ 2-й ближе къ Ковно.»

Распоряженія главной квартиры, какъ видимъ, осторожныя, нерѣшительныя вели все таки безусловно къ столкновенію на самой границѣ, что вполне отвѣчало чувствамъ нашихъ воиновъ, не допускавшихъ возможности вторженія непріятели въ предѣлы Россіи. Вѣсть о наступленіи принята поэтому Рязанцами съ восторгомъ. 23-го мая тихо поднялся полкъ со своихъ временныхъ квартиръ; серьезность обстановки, ожиданіе близкой встрѣчи съ врагомъ клали какой то особенный отпечатокъ на лица всѣхъ чиновъ его. Путь лежалъ по дорогѣ на Вилькомиръ—Яновъ, но гдѣ именно была избрана позиція для корпуса, намъ найти не удалось; полагать однако надо, что между р.р. Невяжею и Свентою (притокъ Вильи), ибо 1-го іюня встрѣчаемъ Рязанскій полкъ расположеннымъ бивакомъ на лѣвомъ берегу Невяжи у мѣстечка Бобты въ 20 верстахъ отъ г. Ковно. Быстро, самоотверженно исполняли войска предписанія штаба арміи но тамъ еще быстрѣе мѣнялись взгляды. Не успѣлъ достигъ полкъ назначеннаго ему мѣста, а всѣдъ уже неслась бумага.⁴⁷ «Въ мѣстахъ расположенія корпуса имѣть свѣдѣнія о всѣхъ земскихъ начальникахъ, которые хоть малое понятіе могутъ дать о земляхъ, дабы въ случаѣ отступленія ихъ съ собою можно было увезти, дабы непріятель не могъ дѣлать распоряженій о взятіи съ земли реквизиціи. Изъ архивовъ для той же цѣли собрать всѣ инвентари и статистическія свѣдѣнія и увезть съ собою.»

Слово отступленіе появляется такимъ образомъ все чаще и чаще, а 3-го іюня первые признаки его вполне очевидны. Въ этотъ день войскамъ сообщено, что вскорѣ надо ожидать разрыва съ Франціей,⁴⁸ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду достовѣрныхъ извѣстій о группировкѣ большихъ силъ франгузовъ противъ Ковно, даны новыя приказанія, имѣющія цѣлю «поставить войска 1-й арміи такъ, чтобы возможно было быстрое сосредоточеніе.» Нашему 2-му корпусу предписано расположиться правымъ флангомъ къ рѣкѣ Свентѣ, впадающей въ Вилью, а лѣвымъ при р. Вильи у селенія Оржишки, гдѣ построить мостъ. Авангардъ у м. Янова, въ одномъ переходѣ отъ корпуса, по обѣ стороны р. Вильи и имѣя вѣрное черезъ нее сообщеніе.⁴⁹

Къ 8 іюня всѣ необходимыя передвиженія закончены. Рязанскій полкъ, совершивъ фланговый маршъ влѣво изъ м. Бобты, черезъ Яновъ, сталъ на правомъ берегу Вильи, почти въ центрѣ расположенія корпуса у мѣстечка Чебишки, тамъ же и штабъ 17 дивизіи, штабъ корпуса въ 10 верстахъ позади, на мызѣ Лукойнѣ.⁵⁰

Общее размѣщеніе полковъ корпуса позволяло собраться однимъ маршемъ къ правому флангу у деревни Сунтоби для подкрѣпленія авангарда, или сближенія съ 1-мъ корпусомъ, а къ лѣвому флангу (мостъ черезъ Вилью у д. Оржишки) тоже однимъ маршемъ для сообщенія съ 3-мъ корпусомъ.

Авангардъ нашъ охранялъ дистанцію отъ селенія среднихъ Дорумшишекъ: 1-я линія—казаки по Нѣману на кордонѣ, 2-я линія — въ одномъ маршѣ отъ кордона, небольшіе отряды кавалеріи и егерей, связанные патрулями съ казаками на кордонѣ, 3-я линія въ половинѣ марша отъ второй, въ селеніяхъ или на бивакахъ изъ полковъ егерскихъ и гусарскихъ съ нѣсколькими орудіями, имѣя посты для взаимнаго между собою сношенія и патрули между 2-ю и 3-ю линіями. Штабы корпуса и главной квартиры связаны летучею почтою съ аванпостами.⁵¹ Отъ квартиры Рязанскаго полка до штаба авангарда во дворѣ Концово считалось 38 верстъ, до линіи же передовыхъ эскадроновъ 55 верстъ.

Численный составъ полка на позиціи у Чебишки колебался 140—150 ч. строевыхъ рядовыхъ въ ротѣ при слѣдующихъ наличныхъ офицерахъ:⁵²

1-я гренадерская рота:

Капитанъ Роговскій Александръ,
Штабсъ-капит. Тюнинъ Павелъ (бригадный адъютантъ),
Поручикъ Барыло Михаилъ (полк. квартирмейстеръ),
Подпоручикъ Башунтъ Иванъ,
Подпоручикъ Байковъ Николай (полк. шефскій адъютантъ),
Прапорщикъ Бартенева Иванъ.

3-я гренадерская рота:

Командиръ полка подполковникъ Ореусъ Алексѣй,
Капитанъ Забравскій Алексѣй,

Поручикъ Фаленбергъ Федоръ (баталіонный адъютантъ),
 Поручикъ Призоровскій Игнатій,
 Прапорщикъ Яковлевъ Иванъ.

Мушкатерскія роты.

- 1-я Поручикъ Кринарій Павель,
 Подпоручикъ Гричановъ Григорій,
 Прапорщикъ Баргеновъ Павель.
- 2-я Капитанъ Пряжевскій Николай,
 Прапорщикъ Вороновъ Николай.
- 3-я Маіоръ Новиковъ Павель,
 Штабсъ-капитанъ Роговскій Иванъ,
 Подпоручикъ Новицкій Яковъ,
 Прапорщикъ Пузыревскій Казиміръ.
- 7-я Штабсъ-Капитанъ Аикинъ Федоръ,
 Подпоручикъ Смольяниновъ Григорій,
 Прапорщикъ Фотьевъ Антонъ.
- 8-я Капитанъ Нейковъ І-й Иванъ,
 Подпоручикъ Саловъ Аванасій.
- 9-я Маіоръ Лау Андрей,
 Штабсъ-капитанъ Коршовъ Иванъ,
 Поручикъ Березинъ Алексѣй,
 Подпоручикъ Тихоновъ Николай,
 Прапорщикъ Синеоковъ.

Въ полковомъ обозѣ и на людяхъ имѣлся десятидневный сухарный провіантъ, фуража было на три дня.

Внезапное перемѣщеніе полка изъ подъ Ковно на р. Вилью въ общемъ неблагопріятно отразилось на нравственномъ состояніи какъ офицеровъ, такъ и нижнихъ чиновъ, до сихъ поръ увѣренныхъ въ наступательныхъ дѣйствіяхъ. Правда, перемѣщеніе это могло еще и не обозначать отступленія, однако поспѣшный вывозъ казеннаго имущества изъ окрестныхъ населенныхъ пунктовъ въ Вильно, озабоченный видъ начальства и другіе мелкіе, но характерные признаки, свидѣтельствовали о чемъ то тревожномъ неблагополучномъ. Одно уже неполученіе приказаній на ближайшіе дни волновало всѣхъ безъ исключенія. Неужели придется выжидать французовъ у Чебишекъ? перешептывались въ полку.

Но приказанія, хранимыя пока въ большой тайнѣ, были и относились ко всей арміи. «Не подавать повода къ открытію военныхъ дѣйствій, гласили они,⁵³ но всякое покушеніе перейти границу встрѣчать силою. Не имѣя возможности держаться, отступать, уничтожая по пути запасы, портя мосты, дороги и т. п. По предположенію 2-й корпусъ отступаетъ прямѣйшими дорогами къ мѣстечку Колтыньянамъ, гдѣ ожидаетъ дальнѣйшаго повелѣнія (одна изъ сихъ дорогъ предполагается отъ Оржишекъ черезъ Мусники, Ояны, Гедройцы, Дубники и Андреяницы до Колтыньянь въ 4 марша).»

Тоскливо проведены два, три послѣднихъ дня. На р. Свентѣ у д. Синтоки строился мостъ изъ судовъ, сплавленныхъ вверхъ по Вильи отъ Ковно. Для прикрытія моста у Оржишекъ командированы два полка нашей дивизіи съ частью артиллеріи 17 бригады. Усиленно работаетъ летучая почта, суетятся ординарцы, казаки то и дѣло скачутъ съ поисками отъ авангарда и обратно. Послѣ обѣда 11-го іюня по бивакамъ разнеслось громовое извѣстіе: непріятель показался за Нѣманомъ.⁵⁴

Вечеромъ читали Рязанцы приказъ:⁵⁵ «на завтрашній день 12 іюня назначается пароль—Николай; Лозунгъ—С.-Петербургъ. Войскамъ быть въ готовности къ движенію.» Мигомъ уложены повозки, въ послѣдній разъ осмотрѣли ротные командиры свои роты; мало кто спалъ въ эту памятную ночь.»

На утро скромнымъ русскимъ бойцамъ вполне опредѣленно выяснилась обстановка. «Непріятель переправился черезъ Нѣманъ переносными лодками выше Ковно, верстахъ въ 6 ниже Понѣмуня,» доносилъ начальникъ авангарда, «кавалеріи мало, пѣхоты много, которая заняла лѣсъ по берегу рѣки и завязала перестрѣлку съ казаками. Справа слышны пушечные выстрѣлы.»⁵⁶

Г. л. Баггевуть приказалъ авангарду отходить къ Гедройцамъ черезъ Гельвани и Ширвинты, намъ же пока стать въ ружье на позиціи. Еще разъ невольнo возникалъ вопросъ: неужели не встрѣтимъ грудью врага на рубежѣ русской земли? Курьеръ главнокомандующаго разсѣялъ всякія сомнѣнія. «Непріятель переправился близъ Ковно,» объявилъ г. Барклай-де-Толли, «и армія сосредоточивается за Вильною, почему и предписывается тотчасъ начать отступленіе.»⁵⁷

Къ Ширвинтамъ потянулись Рязанцы. Между тѣмъ авангардъ въ 3 часа пополудни перешелъ Сентокскій мостъ, сжегъ его и истребилъ магазины. Непрiятель преслѣдовалъ довольно слабо и отъ Янова взялъ направленiе вправо къ мѣстечку Жесли или Жижморамъ.⁵⁸

Итакъ жребiй брошенъ. 12 iюня Наполеонъ безъ формальнаго объявленiя войны вступилъ на русскую землю. Извѣстiе о переправѣ французовъ черезъ Нѣманъ получено Государемъ въ ночь съ 11 на 12-е въ Вильно. Придерживаясь Фулевскаго плана, Императоръ Александръ повелѣлъ 1-й армiи отступать къ Свенцянамъ, 2-я армiя имѣла ударить во флангъ непрiятелю.

Неудачное расположенiе русскихъ войскъ передъ открытiемъ военныхъ дѣйствiй сразу дало себя чувствовать. 1-я армiя (120 т. человекъ) занимала протяженiе отъ Кейданъ и даже отъ Россейнъ до Лиды, т. е. была растянута болѣе, чѣмъ на 120 верстъ. 2-я армiя (45 т. ч.) въ 100 верстахъ южнѣе Лиды группировалась у Новаго Двора и Волковыска. Слѣдовательно, 165 т. русскихъ растянулись на 350 верстъ. Наполеонъ въ то время для перехода границы, сосредоточилъ между Ковно и Гродно (150 верстъ) почти 400 т. лучшихъ войскъ.

Сравнивая расположенiе французовъ и русскихъ, заключаемъ, что первые были сосредоточены въ 5 разъ больше: у русскихъ приходилось на одну версту 500 ч., у французовъ 2500 ч.

Планъ дѣйствiй противника поэтому не могъ быть сложенъ: ударомъ на центръ разобцить наши армiи и затѣмъ разбить ихъ по частямъ; не сразу, однако, онъ выяснился. Сначала французы сильно напирала на правый флангъ, скрывая въ центрѣ между Ковно и Меречемъ свои намѣренiя.

Находясь на прямомъ пути движенiя французовъ отъ Ковно, нашъ 2-й корпусъ первымъ познакомился съ быстротою ихъ натиска, первый же получилъ приказанiе отступить, что и выполнилъ, кажется, ужъ слишкомъ поспѣшно, мало озабочиваясь положенiемъ сосѣднихъ съ нимъ частей. Такъ, стоящiй лѣвѣе у Новыхъ Троковъ съ авангардомъ у Высокаго Двора, 3-й корпусъ узналъ о переправѣ

французовъ черѣ Нѣманъ лишь тогда, когда разъѣзды его столкнулись съ непріятельскими въ м. Попорцы. Официальный документъ объясняетъ это несчастіемъ, приключившимся съ курьеромъ штаба 2-го корпуса, который былъ перехваченъ непріятелемъ.⁵⁹ Попорцы отстоятъ въ 4-хъ верстахъ отъ деревни Оржишки, гдѣ была бригада 17 дивизіи; неужели никто не замѣтилъ отступленія этой бригады, неужели наконецъ бригада не догадалась сама отъ себя увѣдомить сосѣдей о происшедшихъ важныхъ событіяхъ? Съ донесеніемъ въ крайній правофланговый 1-й корпусъ вышло еще хуже. Начальникъ нашего авангарда, г. м. Всеволожскій, минуя штабъ 1-го корпуса въ Кейданахъ въ 31 верстахъ отъ Янова, послалъ донесеніе на 50 верстъ далѣе въ авангардъ его у Юрбурга, вслѣдствіе чего г. Витгенштейнъ получилъ извѣстіе о переправѣ французовъ выше Ковно, на 12 часовъ позже.⁶⁰ Тѣмъ временемъ, непріятельскія войска маршала Удино, быстро подаваясь впередъ вдоль лѣваго берега Вильи, врѣзались между нашимъ первымъ корпусомъ. Явилось опасеніе потерять Вилькомиръ ранѣе прибытія туда Витгенштейна. На всякій случай приказано кавалеріи Уварова держаться въ Вилькомиръ во чтобы то не стало, ежели Удино успѣетъ имъ овладѣть, то 1-му корпусу идти на Поневѣжъ и оттуда стараться присоединиться къ правому флангу 2-го корпуса.⁶¹ Между тѣмъ, достигнувъ Мусники, г. л. Баггевутъ, видимо, понялъ свою ошибку. На позиціи у этого мѣстечка онъ задержалъ насъ до вечера 14 числа, посылая одно за другимъ донесенія въ 1 корп. «Спѣшите, писалъ онъ, «вчера вечеромъ непріятель виденъ былъ отъ моста при Оржишки въ 4-хъ верстахъ по лѣвому берегу Вильи, имѣетъ паромы и переправа для него возможна.» Но Витгенштейнъ не могъ такъ скоро прибыть въ Вилькомиръ и мы ночью отошли къ Ширвинтамъ.

Въ Ширвинтахъ на бивакѣ провели Рязанцы 15 іюня, имѣя аррьергардъ въ разстояніи одного марша и не большой отрядъ кавалеріи въ Мусникахъ для вѣрной комуникаціи съ главными силами Барклая-де-Толли и для посылки разъѣздовъ; въ дер. Мышеголы поставленъ эскадронъ кавалеріи.⁶² Здѣсь доставленъ полку Высочайшій приказъ отъ 13 іюня, возвѣщавшій начало военныхъ дѣйствій. «Изъ давняго времени,» говорилось въ немъ, «примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго Императора, но всегда кроткими

и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оныя. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ. Нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены Мы были ополчиться и собрать войска Наши; но и тогда ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ Нашей Имперіи, не нарушая мира, а бывъ только готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемого нами спокойствія. Французскій Императоръ, нападеніемъ на войска Наши при Ковнѣ, открылъ первый войну. Итакъ, видя его никакими средствами непреклоннаго къ миру, не остается Намъ ничего иного, какъ, призвавъ на помощь свидѣтеля и заступника правды Всемогущаго Творца Небесъ, поставить силы Наши противъ силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождамъ, полководцамъ и воинамъ Нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! Вы защищаете вѣру, Отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Бога.» Въ рескриптѣ фельдмаршалу гр. Н. И. Салтыкову Государь писалъ: «Я надѣюсь на усердіе моего народа и храбрость войскъ моихъ. Провидѣніе благословитъ праведное Наше дѣло.» Рескриптъ оканчивался знаменательными словами: «Не положу оружія доколѣ ни единого непріятельскаго воина не останется въ Царствѣ Моёмъ.»

Между тѣмъ опасность за Вилькомиръ миновала. Витгенштейнъ достигъ его ранѣ Удино и задержанное отступление 16 іюня продолжалось. Полкъ имѣлъ ночлегъ въ Окмянахъ, откуда 17 числа, при ненастной погодѣ, затруднившей въ особенности движеніе обозовъ, выступилъ въ Дубинки.⁶³ 18 іюня полкъ прибылъ въ Колтыньяны, исполнивъ, такимъ образомъ, намѣченную еще на р. Вильи первую половину отступательнаго марша.

Въ Колтыньянахъ, какъ извѣстно, главнокомандующій повелѣлъ ожидать дальнѣйшихъ распоряженій, что исполнить, однако, оказалось невозможнымъ. Нижеслѣдующій документъ вполне разъясняетъ обстановку 18 іюня. «Сегодня прибыли въ Колтыньяны,» доносилъ командиръ 2-го корпуса Барклаю-де-Толли,⁶⁴ «заняли позицію лицомъ къ мѣстечку Лобонары, а спиною къ озеру Жеймянѣ и рѣкѣ Жеймѣ. Позиція не выгодна; пути отступления нѣтъ. За рѣ-

кою и озеромъ также нѣтъ выгодъ: 1) высоты, которыя сейчасъ занимаемъ, командуютъ зарѣчной частью, 2) позиція такъ тѣсна, что полкового фронта поставить не можно. Испрашиваю принять ли мнѣ на этой позиціи сраженіе въ случаѣ атаки или отступать; въ послѣднемъ случаѣ прошу дирекціи.» Рапортъ этотъ въ Свенцянахъ былъ распечатанъ Государемъ Императоромъ, который въ 2 часа утра 19 іюня далъ слѣдующее повелѣніе за собственноручною подписью: «По случаю невыгодности позиціи въ Колтыньянахъ единственно поддержать арьергардъ, не входя въ дѣло съ непріателемъ. Въ случаѣ сильного напора избрать позицію между Колтыньянами и Довгилишками. 20-го же займите позицію въ Довгилишкахъ,» писалъ Государь,⁶⁵ «рапортуйте меня и военнаго министра въ Свенцянахъ.»

Сообщая въ тотъ же день о Высочайшемъ повелѣніи г. Барклаю де-Толли, командиръ нашего корпуса писалъ:⁶⁶ «Колтыньяны занялъ я 18 числа потому, чтобы выполнить въ точности предписаніе отъ 15 числа, дабы прибыть въ тотъ самый день въ Колтыньяны, когда Вы съ 3 и 4 корпусами прибудете въ Свенцяны, кромѣ того, дабы выполнить генеральный планъ, составленный 8 числа и дабы отступить въ параллельной дирекціи съ 1-мъ корпусомъ, который увѣдомилъ меня, что 18 числа будетъ въ Покельно. Сейчасъ получилъ я повелѣніе Ваше отъ 18 іюня, какъ оно не сходно съ Высочайшимъ, что намъ дѣлать?» Отвѣтъ главнокомандующаго неизвѣстенъ, но къ 19 іюня на театрѣ войны произошли такія событія, которыя дѣлали предположенное сопротивленіе у Свенцянь невысказаннымъ. 16 числа французы заняли Вильно, чѣмъ разрѣзали обѣ наши арміи.

Изъ Вильно Наполеонъ переправилъ свои силы такъ: двѣ дивизіи корпуса Даву прямо въ Свенцяны, Удино шелъ туда же отъ Вилькомира, между ними вдвинуть корпусъ Нея. Общее начальство надъ всѣми этими войсками, силою около 150 т., поручено Мюрату; противъ 2-й арміи на Минскъ выступилъ Даву. Самъ Наполеонъ съ гвардіей остался въ Вильно, въ которой прожилъ безвыѣздно 18 дней.⁶⁷

Обстановка сложилась для насъ чрезвычайно критически. Никогда еще главная цѣль войны — уничтоженіе вооруженныхъ силъ

противника не была такъ достижима для Наполеона, какъ въ началѣ кампаніи 1812 г. Надлежало только не терять времени.

Не постигая еще вполне угрожающей опасности отъ раздѣленія армій, у насъ все таки рѣшили не прекращать движенія къ Двинѣ, въ Дрисскій укрѣпленный лагерь, какъ то полагалось по принятому плану войны.

Вслѣдствіе рѣзкихъ противорѣчій въ приказаніяхъ, отданныхъ Высочайшею властью, съ распоряженіями главнокомандующаго, день выступленія полка изъ Колтыньянь трудно обозначить. Даже журналъ отступления 1-й арміи не во всемъ согласуется съ донесеніями начальниковъ.

Такъ по журналу 2-й корпусъ 19-го іюня выступилъ изъ Колтыньянь, аріергарду предписано расположить форпосты въ одну линію съ форпостами 3-го корпуса и посылать разъѣзды возможно далѣе, имѣя связь съ 1-мъ и 3-мъ корпусами. 20 числа былъ растахъ всей арміи.⁶⁸

Донесеніе г. л. Баггевута Государю отъ 20 іюня излагаетъ обстановку слѣдующимъ образомъ.⁶⁹ «Отступили до Пошемянъ, по причинѣ что непріятель уже при корчмѣ Люлинѣ, но не перешелъ моста, который сожженъ 30-го егерскаго полка полковникомъ Забѣлинымъ.»

Записка нашего корпуснаго командира г. л. Уварову, полученная послѣднимъ 20 іюня въ 10 часовъ утра въ Пелушѣ, еще обстоятельнѣе разъясняетъ обстановку: «Непріятель при корчмѣ Люлинѣ, рѣку не перешелъ,» писалъ г. л. Баггевуть,⁷⁰ «затѣмъ я только одною дивизіей занялъ позицію при Пошемянѣ, а съ другою дивизією г. л. Олсуфьева (17-й) остался въ прежней своей позиціи.»

Рязанскій полкъ слѣдовательно лишь вечеромъ 20 числа могъ покинуть расположеніе у Колтыньянь, отправивъ предварительно въ Друю, согласно приказа по арміи, «всѣ тяжести» кромѣ провіантскихъ фуръ, патронныхъ ящиковъ и фуръ лазаретныхъ.

Ночь освѣщалась огромнымъ заревомъ горѣвшихъ Колтыньянскихъ магазиновъ, въ которыхъ, за невозможностью поднять, сожжено на 1½ мил. рублей провіанта.

Въ 3 часа утра 21 іюня Рязанцы въ общей колоннѣ 2 корпуса двигались по дорогѣ мимо Корчмы Гилина и къ вечеру заняли би-

ваки у Старыхъ Довгилишекъ, арьергардъ находился въ Пошемянахъ, высылая патрули вправо къ Колтыньянамъ, впередъ къ Вейку къ намъ до р. Жейманы, а влѣво имѣлъ сообщеніе съ форпостами арьергарда г. м. Корфа (3-го корпуса). Вечеромъ черезъ наши посты у Довгилишекъ проѣхалъ возвращавшійся отъ Наполеона г. а. Балашевъ.⁷¹ Исчезла послѣдняя надежда уладить мирно споръ съ французами.⁷²

Изъ Старыхъ Довгилишекъ тронулся полкъ въ 4 часа утра и, перейдя р. Дисну при Кочергишкахъ, направился къ фольварку Видзы-Воловцизна, гдѣ вступилъ въ лагерные биваки. Здѣсь же расположились войска 3-го пѣхотнаго корпуса и 1-го резервнаго кавалерійскаго. Весь день 23-го іюня Рязанцы были, что называется, на чеку. Непріятель сильно тѣснилъ форпосты арьергарда у с. Довгилишекъ и въ 6 часовъ вечера отважился даже атаковать его, но отраженъ съ урономъ. Когда смерклось, войска отъ Визы-Воловцизна выступили въ походъ въ Опсе и къ утру 24 числа заняли позицію у этого мѣстечка, туда же прибыла главная квартира. Въ Опсе простояли Рязанцы до 10 часовъ вечера, а затѣмъ, двигаясь всю ночь, прибыли 25 къ Бельмонту. Между тѣмъ Государь Императоръ, очень беспокоясь за участь армій своихъ, повелѣлъ, чтобы 26 іюня всѣ корпуса заняли новыя позиціи, 2-й корпусъ при дер. Милатовѣ,⁷³ а 27-го вступили въ Дрисскій лагерь, «оставивъ арьергарды въ полумаршѣ или болѣе по обстоятельствамъ.»

«Изъ рапортовъ усматриваю», писалъ Государь,⁷⁴ «что войска и лошади вслѣдствіе дурныхъ дорогъ пришли въ усталость, тѣмъ не менѣе требуютъ обстоятельства, чтобы еще сего числа (25 іюня) сдѣланы были сіи движенія, черезъ что корпуса 1-й западной арміи будутъ съ собою въ близости и совершенно обезпечатъ движеніе наше въ Дрисскій лагерь, которое нынѣ подвергается опасности вслѣдствіе движенія непріятели на наше лѣвое крыло. Для облегченія войскъ на маршѣ дѣлать частыя привалы.»

Исполняя волю Монарха, Рязанцы не щадили силъ. Ночь съ 25 на 26 проведена въ движеніи, на утро полкъ вступилъ въ лагерь при дер. Маявкѣ, 27 былъ въ Милатовѣ, 28 при Леонполѣ, а 29 іюня достигъ укрѣпленнаго лагеря при Дриссѣ на лѣвомъ бе-

регу Западной Двины. Быстрое безостановочное отступление порвало всякое соприкосновение съ противникомъ и до такой степени, что вскорѣ пришлось посылать патрули съ цѣлью разузнать, куда дѣвались французы.⁷⁵

Дрисскій лагерь, образецъ невѣжества въ наукѣ укрѣпленныхъ мѣстъ, какъ говорилъ А. П. Ермоловъ,⁷⁶ находился въ изгибѣ, образуемомъ Двиною, между городомъ Дриссою и деревней Шатрово (около 4-хъ верстъ въ длину и 3-хъ въ ширину). Укрѣпленія состояли изъ 3-хъ линій редутовъ и люнетовъ. Рязанскій полкъ стоялъ у дороги изъ Леонполя позади первой линіи укрѣпленій на крайнемъ правомъ флангѣ общаго расположенія арміи. Пространство не болѣе 200 шаговъ отдѣляло Рязанцевъ отъ З. Двины. Впереди первой линіи укрѣпленій устроена сплошная ограда. Передъ фронтомъ 2-го корпуса она состояла изъ двойного ряда палисадинъ, на другихъ пунктахъ изъ переносныхъ засѣкъ. Весь лагерь изрѣзанъ глубокими оврагами.

Еще 27 іюня въ годовщину Полтавской побѣды въ Дриссу прибылъ Императоръ Александръ. Въ отданномъ того же числа по арміи приказъ Государь указывалъ на возможность близкаго сраженія, дабы остановить дерзкій шагъ противника. «Нынѣ,» читали приказъ Рязанцы, «всеѣ корпуса первой арміи соединились на мѣстѣ предназначенномъ. Теперь предстоить новый случай оказать извѣстную вашу храбрость и понести награду за понесенные труды. Нынѣшній день, ознаменованный Полтавской побѣдой, да послужитъ Вамъ примѣромъ.» Осмотрѣвъ лагерь, Государь далъ слѣдующія повелѣнія.⁷⁷ По вступленіи войскъ въ лагерь при Двинѣ произвести строгій осмотръ ружьямъ и вообще всеѣмъ военнымъ снарядамъ, дабы въ случаѣ надобности могли быть взяты строгія мѣры для приведенія всей солдатской аммуниціи въ надлежащую чистоту и исправность. Дополнить 10-ти дневный провіантъ; при полку имѣть только патронные ящики, остальнымъ обозамъ расположиться за Двиною на правомъ ея берегу въ корпусныхъ вагенбургахъ по указанію. Обывательскія подводы сдать генералъ-вагенмейстеру, а ежели при нихъ находились люди отъ полка, то возвратитъ ихъ во фронтъ. Маркитантамъ при полкахъ дозволяется привозить припасы съ тѣмъ, чтобы доставя ихъ по утру, всеѣ они оставляли бы лагерь до полудня.

Съ праваго берега отправить въ лагерь по одной фурѣ сухарной съ провіантомъ на баталіонъ; провіантъ на 10 дней всегда долженъ быть при войскахъ, на столько же дней фуража и скота. Всѣхъ лошадей, за исключеніемъ къ ящикамъ и строевыхъ и другихъ ниже указанныхъ, нанстрожайше запрещается имѣть, а рекомендуется отсылать ихъ на правый берегъ къ вагенбургамъ. Сверхъ воинскаго обоза дозволяется имѣть въ лагерѣ штабъ-офицерамъ одну выючную лошадь, въ ротахъ по двѣ выючныхъ лошади. На позиціи войскамъ строить шалаши при самыхъ мѣстахъ, которые будутъ отведены полкамъ. Засѣки на дрова не разбирать и не портить. О мостахъ, по которымъ корпуса будутъ имѣть сношеніе съ правымъ берегомъ Двины, сдѣлаеть распоряженіе главная квартира.

Суть приведенныхъ инструкцій рисуетъ всю дѣятельность Рязанцевъ съ перваго же часа вступленія въ лагерь. Главнымъ образомъ направлены усилія къ исправленію матеріальной части, разстроенной форсированнымъ, почти въ 300 верстъ, походомъ. О собственныхъ удобствахъ и отдыхѣ, какъ ни были надорваны физическія силы, никто не думалъ, хотя отчеты за истекшій іюнь мѣсяць показывали болыи. въ госпиталяхъ 195 ч. въ лазаретахъ и околodkaхъ 39 ч.⁷⁸

Однимъ лишь желаніемъ горѣли сердца—поскорѣе сразиться съ врагомъ, который до сихъ поръ безнаказанно попираетъ родную землю. Во время пребыванія въ Дриссѣ погода благопріятствовала намъ; ясные солнечные дни смѣнялись прохладными ночами; звуки музыки оглашали лагерь, по вечерамъ каждый разъ происходила заря съ церемоніею. Но не долго оставался полкъ у Дриссы. Недостатки занятой позиціи обнаружались скоро. Расположенный между двумя главными направленіями для движенія непріятеля на Москву или на Петербургъ, Дрисскій лагерь не прикрывалъ ни одного изъ этихъ пунктовъ и не преграждалъ ни одного изъ путей къ нимъ; для обоихъ онъ могъ служить лишь фланговою позиціею. Въ тактическомъ отношеніи лагерь тоже не представлялъ особенныхъ выгодъ и имѣлъ одно большое неудобство: р. З. Двина протекала въ тылу его, что значительно облегчало непріятелю блокаду лагеря и въ то же время чрезвычайно затрудняло бы наше отступленіе. Императору Александру докладывали объ этихъ неудобствахъ, но Государь нѣсколько дней

колебался и для обсужденія вопроса собралъ военный совѣтъ, который высказался за оставленіе лагеря. Между тѣмъ изъ Минска доставлено свѣдѣніе о движеніи значительныхъ силъ французовъ между 1 и 2 арміями. Медлить нельзя было; Государь приказалъ нашей 1-ой арміи идти къ Витебску и искать соединенія со 2-ой. Для охраны путей въ Петербургъ оставили 1-ой корпусъ Витгенштейна.

Предстоялъ фланговый маршъ. Въслѣдствіе расположенія въ нѣсколькихъ переходахъ значительныхъ силъ противника нельзя было рассчитывать совершить этотъ маршъ скрытно, двигаясь лѣвымъ берегомъ Двины, поэтому 2-го іюля войска перешли по 4-мъ мостамъ на правый берегъ. Рязанскій полкъ въ числѣ 3 штабъ-офицеровъ, 29 оберъ-офицеровъ, 68 унтеръ-офицеровъ, 35 музыкантовъ и 1051 стрелковыхъ ядовыхъ, послѣ переправы, сталъ у деревни Понаіовцы.⁷⁹

3-го іюля вся армія имѣла растагъ, исключая нашего корпуса, который присоединился къ 5-му, при городѣ Дриссѣ на правомъ берегу рѣки Дриссы. Съ тѣхъ поръ корпуса 2-й и 5-й долго составляли неразлучную колонну.

4-го и 5-го числа маршъ продолжался; Рязанцы бивакировали въ первый день при мѣстечкѣ Волынцахъ, во второй у селенія Сополицы. 6-го іюля баталіоны наши, пройдя городъ Полоцкъ, расположились лагеремъ по Витебской дорогѣ.⁸⁰ Отсюда Государь Императоръ уѣхалъ въ Москву. Отъѣздъ Его Величества, вызываемый чрезвычайными по оборонѣ государства обстоятельствами, произвелъ тѣмъ не менѣе крайне тягостное впечатлѣніе на войска.⁸¹

Оправившись кое какъ на дневкѣ, полкъ 8-го іюля двинулся опять въ походъ къ с. Оболь Іезуитскій, 9-го числа имѣлъ ночлегъ при мѣстечкѣ Сиротинкѣ, 10-го при Погорѣльцахъ, а 11-го іюля достигъ Витебска. Въ этотъ же день часть арміи переправилась на лѣвую сторону З. Двины; на правомъ берегу у самого города остались корпуса нашъ и 2-й кавалерійскій.⁸²

Французы тѣмъ временемъ медленно подавались впередъ, наступая двумя колоннами; 8-го іюня корпусъ Монбрюна достигъ Двины, переправился на правый берегъ З. Двины и двинулся за нами, но настичь не могъ; спустя два дня Удино разрушилъ Дрисскій укрѣпленный лагерь.

Появление неприятеля на Западной Двинѣ заставляетъ обратиться ко 2-му запасному баталіону, съ которымъ разстался полкъ пять мѣсяцевъ тому назадъ.

Какъ извѣстно специальное назначеніе 2-го баталіона заключалось въ комплектованіи дѣйствующихъ войскъ. Сообразно съ такой задачей и принимая во вниманіе хозяйственныя удобства квартированія, маіоръ Дубровинъ размѣстилъ штабъ въ г. Полоцкѣ, а мушкетерскія роты 4-ю (поручикъ Ермолаевъ Петръ), 5-ю (поручикъ Роговцевъ Иванъ), 6-ю (штабсъ-капитанъ Семеновъ Степанъ) въ ближайшихъ къ городу селеніяхъ.⁸³ Оставалось терпѣливо выжидать развитія событій, которыя однѣ лишь могли усилить дѣятельность баталіона. Выжидательный періодъ продолжался не долго. Серьезность предстоящей борьбы, готовой сразу охватить обширныя пространства, малочисленность наличныхъ вооруженныхъ силъ способствовали, что отъ основного положенія о вторыхъ баталіонахъ въ самомъ же началѣ пришлось отказаться. Изъ нихъ да изъ 4-хъ резервныхъ предложено было составить новыя дивизіи и образовать три вспомогательныхъ арміи: двѣ резервныхъ и одну обсервационную. Но и этотъ проектъ оказался не выполнимымъ, вслѣдствіе медленности формированія въ рекрутскихъ депо 4-хъ баталіоновъ, жалкаго состоянія матеріальной части, а главное за недостаткомъ времени. Въ результатѣ запасные и резервные баталіоны частью поступили на укомплектованіе, частью же употреблены для второстепенныхъ цѣлей на различныхъ пунктахъ внутри Имперіи.

Рязанскому баталіону вышло перейти въ Ригу, куда по Высочайшему повелѣнію двинуты запасные баталіоны 1, 4, 5 и 17 дивизій.⁸⁴ Приказъ о походѣ состоялся въ началѣ марта; къ 25-му числу того же мѣсяца маіоръ Дубровинъ съ тремя ротами находился уже въ Динабургѣ,⁸⁵ а еще черезъ двѣ недѣли вступилъ въ Ригу, имѣя подъ своей командой на лицо 8 оберъ-офицеровъ, 15 унтеръ-офицеровъ, 7 музыкантовъ и 277 рядовыхъ.

Первые дни пребыванія 2-го баталіона въ рижскомъ гарнизонѣ такъ отмѣчаетъ полковой рапортъ за апрѣль мѣсяцъ:⁸⁶ «въ городѣ свирѣяствуетъ сибирская язва, болѣзнь отъ скота передается лю-

дямъ, но у насъ пока обстоитъ благополучіе.» Дальнѣйшее развитіе страшной эпидеміи, время ея прекращенія неизвѣстны, да и вообще свѣдѣнія, касающіяся войскъ, расположенныхъ въ тылу арміи, не отличаются полнотою. Грандіозныя событія на Нѣманѣ. Днѣпрѣ, а затѣмъ подѣ Москвою слишкомъ ужъ поглотили всеобщее вниманіе. Тѣмъ не менѣе Рига, первоклассная сухопутная и морская крѣпость, вблизи С.-Петербурга, безусловно заслуживала его. Въ то время въ апрѣлѣ мѣсяцѣ никто вѣдь не зналъ, какое направленіе приметъ неприятель: Москва или Петербургъ будутъ цѣлью его стремленій, какая роль выпадетъ важнымъ стратегическимъ пунктамъ, лежащимъ по пути наступленія къ обѣимъ столицамъ Россійскаго государства?

Состояніе Риги, какъ крѣпости, состояніе ея гарнизона наканунѣ войны для насъ чрезвычайно интересно, ибо можетъ разъяснить обстановку, при которой жила, работала цѣлая треть полка въ грозныя минуты выжиданія нашествія врага. Намъ не нужны для этого подробные отчеты, слишкомъ растягивающіе дѣло, воспользуемся лишь письмомъ рижскаго военнаго генераль-губернатора, князя Лобанова Ростовскаго къ Барклаю де-Толли отъ 30-го апрѣля, излагающемъ приведеніе въ оборонительное положеніе Риги. «Сегодня гарнизонъ для показу по укрѣпленіямъ разводимъ былъ, доноситъ кн. Лобановъ,⁸⁷ но стыдно мнѣ было жителей города, ибо все то по малолюдству угодобляется игрушкѣ, особливо съ войсками столь мало образованными. Въ добавку къ запаснымъ баталіонамъ мало требуется, а малолюдны они какъ по составу, такъ и потому, что всѣ большыя и отлучныя съ цѣлаго полка въ комплектъ тѣхъ баталіоновъ причислены. Тѣ отлучныя по разнымъ мѣстамъ въ госпиталяхъ со всею аммуниціею, такъ что, росписавъ по нимъ рекрутъ, знатная ихъ часть останется не только безъ аммуниціи, но и безъ ружей.

«Положеніе такое гарнизона не усиливаетъ и что съ тѣми дармоѣдами тогда дѣлать? офицеровъ мало; баталіонами иными командуютъ капитаны, почему выслать отъ полковъ нужно по меньшей мѣрѣ штабъ-офицеровъ.

«Рига, говоритъ онъ далѣе, по своему положенію, обширности укрѣпленій, стѣсненію самаго города и многолюдству въ немъ достоемъ военнымъ почтена быть не можетъ. Ежели же по стеченію

несчастныхъ обстоятельствъ доведется въ ней обороняться, тогда надо армію. По долгу службы и совѣсти сказать долженъ, что гарнизона на рижскія и задвинскія укрѣпленія менѣе 25 т. и флотиліи къ тому обойтись нельзя, кромѣ окрестностей съ укрѣпленными позиціями, на что потребуется до 40 т.⁸⁸ Преданность моя къ престолу и твердость бесполезными останутся, ежели ихъ не поддержите.»

Изъ приложенной къ этому списку вѣдомости о войскахъ видно, что въ Рязанскомъ баталіонѣ по штату положено 495 ч., а числилось по спискамъ 478, недоставало, значитъ, 17 человекъ, въ дальнихъ російскихъ госпиталяхъ и откомандированныхъ показано 195 ч., съ отлучными не хватало 212 ч., т. е. почти 50% всего состава.⁸⁹

Подобно кн. Лобанову жаловался и инженеръ г. л. Опперманъ, требуя по крайней мѣрѣ 10 т. ч. къ слабымъ запаснымъ баталіонамъ: «ежели нѣтъ возможности сейчасъ усилить гарнизона, говоритъ онъ, а Витгенштейнъ долженъ отступать, пусть отходить на Ригу. Ежели этого не случится, то сіе мѣсто съ многочисленною артиллеріей, громадными запасами тотчасъ будетъ въ рукахъ непріятеля.⁹⁰»

Энергичныя представленія начальниковъ, при отсутствіи свободныхъ силъ, не могли быть успѣшны, хотя кое что, повидимому, дѣлалось. Гарнизонъ съ 11 т. усиленъ до 18 т. Въ Рязанскомъ баталіонѣ находимъ къ 1 іюля полный списочный составъ 495 ч., зато наличный попрежнему, благодаря огромной цифрѣ больныхъ 156 ч., представлялъ всего 298 ч. строевыхъ рядовыхъ.⁹¹

А Наполеонъ, между тѣмъ, дѣйствительно съ самаго открытія войны назначилъ одинъ изъ своихъ корпусовъ подъ начальствомъ маршала Макдональда для овладѣнія Ригою. Занятіе этой приморской крѣпости могло доставить опору его лѣвому флангу и обезпечить доставку запасовъ къ арміи морскимъ путемъ.

Макдональдъ 12 іюня переправился черезъ Нѣманъ у Тильзита, прибылъ 18 въ Россію, оттуда 26 числа онъ выступилъ двумя колоннами: 1-й г. Граверта на Шавли и Баускъ, 2-й самъ Макдональдъ, черезъ Поневѣжъ къ Якобштату.⁹²

При первомъ извѣстїи о переходѣ Нѣмана непріятелемъ, г. л. Эссенъ 1-й, смѣнившій кн. Лобанова-Ростовскаго, объявилъ Ригу въ военномъ положенїи. На случай осады приказано жителямъ запастись провіантомъ на 4 мѣсяца, хозяева домовъ, желавшіе выѣхать изъ города, должны были оставить по два здоровыхъ человѣка въ каждомъ домѣ.

Въ то же время приняты необходимыя мѣры для тушенія пожаровъ, заготовлены большіе запасы хлѣба и свезено изъ окрестностей большое количество соломы для усилія улицъ на случай бомбардированія. По недостатку въ артиллеристахъ нѣкоторые изъ гражданъ опредѣлены для прислуги при орудїяхъ. Заготовлены смоляные вѣнки и другія горючія снадобїя. На лютеранскомъ соборѣ устроенъ телеграфъ для сообщенія съ англійскою эскадрою адмирала Мартенса, прибывшей къ Динамюнду.⁹³ Восемь канонерскихъ лодокъ этой эскадры расположились для прегражденія непріятелю переправъ черезъ нижнюю Двину, запасные баталїоны по укрѣпленїямъ. Надѣясь удержаться въ полѣ и не позволить французамъ обложить крѣпость, г. л. Эссенъ выслалъ незначительный отрядъ въ 6 т. съ г. Левизомъ, который занялъ позицію у Экау. Нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы Рязанцы вошли въ составъ этого отряда. Впрочемъ и дѣятельность его скоро прекратилась. Атакованный 7 іюля колонной Граверта Левизъ, съ потерей до 600 человѣкъ, возвратился въ Ригу.

Какъ только разнесся слухъ объ неудачѣ Левиза, немедленно же всѣ присутственныя мѣста отправлены изъ Риги въ Перновъ моремъ. Жителямъ ближайшихъ къ крѣпости кварталамъ Московскаго и Петербургскаго предмѣстїй объявлено, чтобы они очистили дома свои.

11-го іюля въ десять часовъ вечера, вышли Рязанцы изъ крѣпости за эспланаду. Обреченныя пламени строенія осмотрѣны и окончательно очищены, а вслѣдъ затѣмъ команды съ смоляными вѣнками, подъ руководствомъ полицейскихъ служителей, подожгли предмѣстья въ нѣсколькихъ пунктахъ. Отъ сильнаго, внезапно поднявшагося, вѣтра пламя обратилось и на строенія, которыя вовсе не предпола-

галось истребить. Войска на пожаръ находились до 4 ч. утра 12-го іюля. Среди пламени, объявшаго предмѣстья, долго оставалась въ цѣлости церковь; солдаты, которымъ было приказано поджечь ее, говорили, что у нихъ не поднимаются руки на храмъ Божій и что онъ загорится самъ собою, а между тѣмъ спасали церковную утварь. Наконецъ, когда все уже было вынесено изъ церкви, запылала она отъ головней, разметанныхъ вѣтромъ.⁹⁴

Сожженіе предмѣстій безспорно обнаруживало рѣшимость защищаться до послѣдней крайности, но было преждевременно и стоило городу свыше 17 миліоновъ рублей ассигнаціями. Генералъ Эссенъ слишкомъ поторопился такой крайней мѣрой, получивъ преувеличенныя донесенія о появленіи непріятельскихъ войскъ у Кирхгольма, въ 15 верстахъ отъ Риги. Французы вовсе не помышляли объ осадѣ, будучи сильно стѣснены въ своихъ операціяхъ. Какъ разъ въ это время армія наша потянулась къ Витебску; оставленный на Двинѣ 1 корпусъ имѣлъ специальное назначеніе держаться на этой рѣкѣ, прикрывать Ригу и все пространство между Новгородомъ и Двиною. Надлежало прежде съ нимъ справиться. Хотя въ половинѣ іюля къ Макдональду подошелъ Удино, усиленный впоследствии корпусомъ С. Сира, но французскіе маршалы, дѣйствуя независимо одинъ отъ другого, по собственному усмотрѣнію, не могли преодолѣть стойкости полковъ 1-го корпуса. Въ Ригѣ царилъ тишина; все выжидало, чѣмъ кончатся дѣйствія въ открытомъ полѣ. Правда, прусскій генералъ Гривертъ потребовалъ было однажды письмомъ отъ рижскаго военнаго губернатора сдачи города, но, получивъ отказъ, успокоился и до конца іюля подъ крѣпостью войска обѣихъ сторонъ ограничились взаимнымъ наблюденіемъ.

У Витебска, между тѣмъ, 1-й и 2-й баталіоны Рязанцевъ дѣятельно готовились дать, наконецъ, отпоръ врагу. Южнѣе города за р. Лучесою расположились они въ составѣ всей арміи, на избранной очень сильной позиціи, близко къ правому ея флангу, который примыкалъ къ Запад. Двинѣ, фронтъ позиціи былъ прикрытъ глубокимъ оврагомъ, лѣвый флангъ у верховьевъ Лучесы, отъ него подъ острымъ угломъ отходилъ путь отступленія къ Смоленску.

Наполеонъ съ 150 т. арміей неудержимо ломилъ впередъ, приближаясь все ближе и ближе. Для того, чтобы задержать его на мар-

шѣ и заблаговременно обнаружить направленіе наступленія, передовые наши отряды въ теченіи 13 и 14 іюля вели жаркія дѣла съ непріятелемъ. Когда такимъ образомъ близокъ казался рѣшительный моментъ о готовящемся сраженіи, о чемъ сообщено даже Государю, вдругъ въ ночь съ 14-го на 15-ое получается роковое извѣстіе: 2-я армія Багратіона, послѣ безуспѣшной попытки присоединиться къ намъ, черезъ Могилевъ идетъ правѣе къ Смоленску.

Быстрое немедленное отступленіе на встрѣчу Багратіону могло одно лишь спасти армію; малѣйшая задержка подѣ Витебскомъ давала возможность французамъ очутиться у насъ въ тылу. Но отступленіе вблизи непріятеля не легко. Дабы скрыть свои намѣренія, Барклай-де-Толли приказалъ аріергарду Палена занять позицію въ 8 верстахъ впереди г. Витебска и на утро принять бой. Обозы въ ту же ночь потянулись черезъ Суражъ и Порѣчье къ Смоленску. 15-го іюля съ разсвѣтомъ въ аріергардѣ загремѣла канонада. Рязанцы въ первой линіи боеваго порядка съ ружьемъ у ноги стоятъ на позиціи. Вотъ поскакали впередъ Сумскіе и Маріупольскіе гусары, за ними пошли егера, громъ пушекъ становится все оглушительнѣе, на лѣвомъ крылѣ русская пѣхота производитъ какіе то маневры, какъ бы намѣреваясь обойти противника справа. Хитрость удается, французы приостанавливаютъ наступленіе ради усиленія передовыхъ линій, а мы тѣмъ временемъ начинаемъ отступать.⁹⁵ Былъ 4-й часъ пополудни, когда армія, свернувшись въ 3 колонны, снялась съ позиціи. Рязанцы входятъ въ составъ правой колонны г. графа Остермана, который приказалъ слѣдовать по большой Порѣченской дорогѣ и, въ случаѣ нужды, поддержать аріергардъ Палена. Черезъ полчаса, послѣ выступленія, лѣсистая мѣстность скрыла насъ отъ глазъ противника.⁹⁶

Аріергардъ держался до ночи, а затѣмъ, будучи раздѣленъ на три части въ видѣ частныхъ аріергардовъ, каждый изъ 3-хъ колоннъ, потянулся къ востоку. Огромные бивачные огни, оставленные на позиціи русскихъ войскъ, утверждали Наполеона въ надеждѣ сразиться. 16-го іюля обстановка выяснилась, но Наполеонъ не преслѣдовалъ утомленную тяжелыми маршами армію; онъ рѣшилъ расположиться для отдыха по квартирамъ.

Рязанцы между тѣмъ, отступая черезъ Агапоновцизну, 15-го іюля вечеромъ достигли мѣстечка Яновичей, а 17 числа Порѣчья, гдѣ кромѣ 2-го, собрались еще корпуса 3 и 4. Изъ Порѣчья полкъ выступилъ 18 іюля ночью во избѣжаніе сильной жары и двигался по Смоленской дорогѣ къ селенію Холму. Ночной маршъ этотъ, по свидѣтельству А. П. Ермолова, выказалъ большой упадокъ дисциплины въ войскахъ 1-й арміи. Солдаты, не стѣняясь, громко жаловались на безконечное отступление и на начальниковъ не русскихъ.⁹⁷

Господствовавшее настроеніе лучше всего выражается цифрою побѣговъ. Съ января по іюнь включительно бѣжавшихъ было всего 10 ч., теперь же въ одномъ іюль мѣсяцѣ ихъ насчитывали 32 чело-
вѣка.⁹⁸

Ночь на 20 число Рязанцы провели у деревни Мощинки, тамъ же находилась и главная квартира. На слѣдующій день полкъ достигъ Смоленска и сталъ лагеремъ на правомъ берегу Днѣпра. 22-го іюля подошла 2-я армія и расположилась у самого города по лѣвому берегу рѣки. Первые три дня посвящены отдыху, приведенію въ порядокъ разстроенныхъ баталіоновъ и заготовкѣ сухарей, для чего въ Смоленскъ отпращены отъ всѣхъ полковъ хлѣбопеки. Есть указанія, что подъ Смоленскомъ ряды арміи укомплектованы были частью резервныхъ баталіоновъ, но это укомплектованіе не касалось Рязанскаго полка. По отчетамъ у насъ значится прибывшими только два офицера: прапорщики Осмоловскій 1-й и Ожоловскій, да 1 унтеръ-офицеръ и два рядовыхъ.⁹⁹

Между тѣмъ Государь и вся Россія съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшительныхъ съ театра войны извѣстій.

Императоръ Александръ писалъ Барклаю-де Толли: «Я не могу молчать, что хотя по многимъ причинамъ и обстоятельствамъ, при началіи военныхъ дѣйствій, нужно было оставить предѣлы нашей земли, однако же не иначе, какъ съ прискорбіемъ долженъ былъ видѣть, что сіи отступательныя движенія продолжались до Смоленска». Наступленіе дѣйствительно рѣшено. Войска оживились. На бивакахъ повсюду раздавались солдатскія пѣсни, гремѣла музыка. 26 іюля обѣ арміи наши имѣли начать движеніе 3-мя колоннами отъ Смо-

ленска къ Руднѣ, съ цѣлью ударить на квартирный районъ французовъ.

По диспозиціи полкъ зачисленъ въ первую (правую) колонну г. л. Тучкова. Идти приказано по большой порѣченской дорогѣ; на 10 верстѣ повернуть влѣво и продолжать маршъ мимо господскихъ дворовъ: Покарнова, Жукова и Лаврова, черезъ дд. Цѣпинину, Бобыль, Луца, Щоголево, Зирмяна, Шванекъ къ д. Ковалевской. Весь переходъ 30 верстѣ; авангардъ удаленъ на 5—10 верстѣ. Арьергардъ въ 3-хъ верстахъ за зарядными ящиками. Правая колонна выступастъ часомъ ранѣе прочихъ колоннъ. Кромѣ обывательскихъ подводъ для перевозки раненыхъ, кои слѣдуютъ за арьергардомъ, другихъ обозовъ не имѣть.¹⁰⁰

26-го іюля, едва движеніе нашей правой колонны доведено было до д. Ковалевской, какъ получены свѣдѣнія, что у Порѣчья сосредоточены значительныя силы противника. Наступленіе прекращено. Опасаясь за свой правый флангъ и сообщеніе съ центромъ государства, главнокомандующій на 27 іюля приказалъ идти обратно на Порѣченскую дорогу черезъ дд. Ковалевцы, Оболины, с.с. Касплю, Прудники, Жаръ, Толкуны, Лятехи, Банды, Сипанюги, Замчинку—къ селу Икову, гдѣ вся армія становится лагеремъ.¹⁰¹

28 іюля отступательное движеніе продолжалось до Захарина. Слухъ о сосредоточіи непріятеля у Порѣчья однако не подтвердился, тогда опять рѣшаютъ возобновить движеніе къ Ригѣ, но Багратіонъ 31-го іюля отвелъ войска 2-й арміи назадъ къ Смоленску подъ предлогомъ, что на его бивакахъ мало хорошей воды. Въ концѣ концовъ, послѣ долгихъ пререканій, мы занимаемъ 2 августа центральную позицію на Витебской дорогѣ, въ 40 верстахъ отъ Смоленска у дд. Гаврики и Волоковой. Рязанскій полкъ выступилъ туда въ 6 часовъ утра отъ деревни Луца черезъ Щеголево и Ковалевцы; при полку имѣлись лишь патронные ящики; сухарныя фуры въ Вагенбургъ по порѣченской дорогѣ, около 14 верстѣ отъ Смоленска, на томъ мѣстѣ, гдѣ отходитъ дорога въ Духовищину.¹⁰²

Безцѣльныя движенія въ разныя стороны, конечно, не принесли никакой пользы, но поселили начало разлада между обоими главнокомандующими и неблагопріятно повліяли на настроеніе духа арміи.

3-го августа—день рожденія Наполеона. Всѣ въ корпусѣ говорили, что французы насъ атакуютъ, а если нѣтъ, то мы сами посѣтимъ ихъ. Событія, однако, разыгрались такъ, какъ никто не ожидалъ. Вслѣдствіе медленности движеній изъ обходящихъ русскіе оказались обойденными. Наполеонъ, разгадавъ угрожающій ему маневръ, совершаетъ быстрый фланговый маршъ вправо къ переправамъ на Днѣпръ у Хомина и Расасны, стремится занять Смоленскъ и тѣмъ отбросить насъ отъ Московской дороги. Въ ночь съ 2-го на 3-е августа получены первыя тревожныя донесенія. Сначала предполагали было, что у Смоленска показались незначительныя силы французовъ, но скорѣе стало извѣстно, что туда идетъ Наполеонъ съ 180 т. арміей. Въ Смоленскѣ находился ничтожный въ 13 т. отрядъ г. Раевского. Удержаться Раевскій могъ развѣ только чудомъ; къ нему на выручку и поспѣшили отовсюду русскія войска.

Еще до разсвѣта 4 числа полкъ снялся съ бивака у Волоковой и по прямой дорогѣ черезъ Приказъ-Выдру, Шеломецъ форсированнымъ маршемъ двинулся къ Смоленску.¹⁰³ Весь день оттуда доносилась канонада: это Раевскій отбивалъ атаки Наполеона. Только къ вечеру, пройдя 40 верстъ, стали, наконецъ, Рязанцы подъ стѣнами этого древняго русскаго города, геройской обороной прославившагося не разъ въ исторіи. Ужасная представилась картина: церкви, дома, башни—все пылало; разноцвѣтный дымъ поднимался столбомъ, разстилаясь багровыми тучами; трескъ лопающихся бомбъ, громъ пушекъ, перекаты ружейной стрѣльбы, стукъ барабановъ, не могли заглушить воплей и стона народа, стоявшаго на колѣняхъ съ воздѣтыми къ небу руками. Крики обезумѣвшихъ, искалѣченныхъ женщинъ, дѣтей и стариковъ, которые, ища спасенія, разсѣялись по окрестностямъ, оглашая воздухъ.

Съ трехъ сторонъ, съ востока, юга и запада городъ былъ окруженъ непріателемъ. Отрядъ Раевского занималъ еще Смоленскъ; всѣ прочія войска остановились на бивакахъ сѣвернѣе Петербургскаго предмѣстья.

О принятіи боя думать нечего было, развѣ путь отступленія къ Москвѣ находился въ опасности. Слѣдовало возможно скорѣе, даже ночью, начать движеніе за Днѣпръ. Въ этихъ видахъ рѣшено,

что 2-я армія отступитъ по московской дорогѣ къ Соловьевой переправѣ (40 верстъ), оставивъ у р. Колодни особый арьергардъ. Для прикрытія отступленія 2-й арміи, 1-я будетъ удерживать Смоленскъ; послѣ чего тоже отойдетъ на московскую дорогу подъ прикрытіемъ арьергарда 2-й арміи.

Для временной обороны Смоленска назначены три дивизіи (7.24 и 27), которыя въ теченіи ночи смѣнили отрядъ Раевского.

Съ разсвѣтомъ 5 августа началась канонада, по временамъ ослабѣвавшая, мѣстами происходили стычки передовыхъ частей. Рязанскіе баталіоны, имѣя въ строю на лицо 3 штабъ-офицера, 27 оберъ-офицеровъ, 68 унтеръ-офицеровъ, 34 музыканта и 977 рядовыхъ,¹⁰⁴ съ ружьями у ноги молча выжидали, что Богъ пошлетъ. Въ 3 часа дня по тремъ ракетамъ одновременно началась сильнѣйшая пальба и вслѣдъ затѣмъ французы пошли въ атаку, бой закипѣлъ по всей линіи. Весь день на глазахъ Рязанцевъ горѣлъ Смоленскъ. При полномъ безвѣтріи, густые клубы дыма высоко поднимались къ небу подобно изверженію вулкана. Непріятель послѣ ожесточенныхъ рукопашныхъ схватокъ овладѣлъ большею частью предмѣстій, но городскія стѣны остановили его. Въ 5 часовъ вечера Наполеонъ приказалъ Даву штурмовать городъ; французы врывались уже въ Московскія ворота, но были отбиты. Вотъ потребовали въ подкрѣпленіе 4-ю дивизію 2-го корпуса, за ней пошли егеря нашей 17 дивизіи, но Рязанцы по прежнему остаются въ бездѣйствіи. Въ 7 часовъ вечера повторена еще разъ безуспѣшная попытка штурма, въ 9 часовъ канонада смолкла и противникъ отошелъ на прежнія свои позиціи.

Въ полночь съ 7-го на 6-е августа русскія войска отошли немного назадъ, версты на 2—3 отъ города и расположились по обѣ стороны порѣченской дороги. Въ то время отряды, оборонявшіе Смоленскъ, начали очищать занимаемые ими пункты и въ 4 часа утра развели плавучій и сожгли постоянный мостъ.

Замѣчательно, что при общемъ отступленіи изъ города и для воспрепятствованія переправѣ непріятели черезъ Днѣпръ не было оставлено арьергарда. Поэтому то голова корпуса Нея безпрепят-

ственно перешла въ бродъ рѣку и ввязалась въ бой съ частью нашихъ войскъ, беспорядочно занимавшихъ еще Петербургское предместье. Составъ этихъ частей трудно опредѣлить, говорятъ егеря 4 и 17 дивизіи,¹⁰⁵ но въ числѣ ихъ, какъ теперь достоверно знаемъ, находился и Рязанскій полкъ, неизвѣстно кѣмъ и когда направленный. Предоставленные сами себѣ, безъ общаго руководства, младшіе начальники исполняли то, что имъ казалось наилучшимъ. И, слава Богу. Португальскія роты, перешедшія въ бродъ рѣку, встрѣчены энергичнымъ ударомъ въ штыки и отгнаны за Днѣпръ, по обѣимъ сторонамъ котораго завязалась неумолкаемая перестрѣлка. День 6-го августа былъ для Рязанскаго полка первымъ днемъ кровавыхъ потерь въ достопамятную кампанію. На форштадтѣ г. Смоленска убиты рядовые: Ефимъ Соколовъ, Павелъ Лаврентьевъ, Прокофій Мойсеевъ, Валентій Францъ, Михаилъ Кудринъ, Абрамъ Полянкинъ, Иванъ Вакунинъ, Болдыревъ, Генрихъ Янгъ.

Въ такомъ положеніи, отдѣленный отъ французовъ огненной преградой, простоялъ полкъ до вечера. Объятое пламенемъ, Петербургское предместье не доставляло никакого прикрытія; роты размѣстились въ садахъ, но и тамъ жаръ усилился до того, что фрукты на деревьяхъ были испечены. Лакомясь ими, говорили солдаты: «не повѣрятъ намъ дома, что въ Смоленскѣ мы снимали съ деревьевъ печеныя яблоки.»¹⁰⁶

Между тѣмъ совершенно стемнѣло. Во исполненіе приведеннаго выше плана дѣйствій, 2-я армія уже съ утра 6 числа отходила по Московской дорогѣ къ Соловьевой переправѣ, пора было и намъ начать движеніе. Предстоящій фланговый маршъ, въ самомъ близкомъ, 4—6 верстъ, отъ непріятеля разстояніи, полкъ имѣлъ совершить подъ начальствомъ г. л. Тучкова 1-го въ лѣвой колоннѣ войскъ 1-й арміи черезъ Красоткино, Полуево, Горбуново, Жуково, Кашаево, Тычинино и выйти на большую Московскую дорогу близъ Лубина.¹⁰⁷ Въ 8 часовъ вечера тронулся авангардъ г. м. Тучкова 3-го—командира 2-й бригады нашей 17 дивизіи, за нимъ кавалерія, потомъ выступили корпуса 3-й, 4-й и въ хвостѣ, наконецъ, 2-й. Дорога, по которой двигалась лѣвая колонна, обыкновенная проселочная, пролегла по лѣсистой мѣстности; мосты черезъ встрѣчавшіяся на пути рѣки

и овраги находились въ неудовлетворительномъ видѣ и требовали часто исправлений. Это очень задерживало маршъ, да еще ночью.

Авангардъ съ кавалеріей выступилъ въ назначенное время, но уже 4-й корпусъ опоздалъ, оторвался отъ 3-го, а отдѣльные его полки разстроились, сбились съ пути. Такимъ образомъ мы едва послѣ полуночи могли сняться съ бивака и, для выигрыша времени, вмѣстѣ съ другими полками 2-го корпуса были двинуты прямо черезъ лѣсъ безъ дорогъ. Весьма естественно, что войска заблудились. Кружась по лѣсамъ въ непроглядной тьмѣ, полкъ въ 6-мъ часу утра 7 августа очутился у д. Гедеонова, въ полутора верстахъ къ с. в. отъ крайнихъ домовъ Петербургскаго предмѣстья, иначе говоря, вернулся обратно назадъ на мѣсто, которое занималъ наканунѣ. Въ это время войска Ней успѣли уже переправиться черезъ Днѣпръ; они находились такъ близко отъ Гедеонова, что сигналы французовъ, барабанный бой, музыка были отчетливо слышны.

Среди общаго замѣшательства совершенно случайно у Гедеонова очутился главнокомандующій Барклай-де-Толли, который не потерялъ присутствія духа. Ставъ съ двумя полками 17 дивизіи у Гедеонова и приказавъ направляться туда же арьергарду Корфа, Барклай остальную часть 2-го корпуса, а съ ней и Рязанскій полкъ двинулъ безостановочно къ Горбунову. Войскамъ у Гедеонова повелѣно держаться во что бы то ни стало, такъ какъ дѣло идетъ о спасеніе арміи. Къ счастью Ней не зналъ въ точности, что происходитъ и провелъ нѣсколько часовъ въ бездѣйствіи, чѣмъ не замедли въ пользоваться, наши разобрались, устроились на позиціи. Въ 9-мъ часу утра французы атаковали наскоро импровизированный арьергардъ; держится онъ нѣкоторое время съ успѣхомъ, но, подавленный превосходствомъ силъ послѣ ожесточенной схватки, вынужденъ отступить.

Громъ канонады у Гедеонова долго сопутствовалъ Рязанцевъ, звонкимъ эхомъ раздаваясь по лѣсамъ; каждый выстрѣлъ былъ на счету, жгучей болью отзывался въ сердцахъ солдатъ и офицеровъ, спѣшившихъ выбраться на Московскую дорогу. Генералъ А. Б. Ермоловъ неотступно находился при колоннѣ, ласковыми словами ободряя изнемогавшихъ отъ усталости людей.

Вотъ со стороны Геденова рѣже и рѣже доносятся выстрѣлы, видимо непріятель отсталъ; въ воздухѣ повѣяло вечерней прохладой, еще немного усилій и мы на прямомъ пути къ Москвѣ; цѣль движенія будетъ достигнута. Но не судилъ Богъ такъ благополучно окончиться тяжелому дню 7 августа. Не понавъ съ ранняго утра въ дѣло, полкъ къ ночи только сотней кровавыхъ жертвъ разрѣшилъ окончательно въ пользу нашего оружія, казалось, безвыходную обстановку.

Какъ извѣстно, впереди колонны двигался авангардъ г. м. Тучкова 3-го. Выйдя изъ лѣсу у д. Тычина въ 8 часовъ утра и приближаясь къ большой дорогѣ, обнаружилось, что выставленный тамъ отъ 2-й арміи заслонъ кн. Горчакова отступилъ уже на востокъ, оставивъ всего три казачьихъ полка. Появился непріятель со стороны Смоленска, наше фланговое движеніе подвергало его смертельному удару. Вполнѣ постигнувъ обстановку, Тучковъ рѣшаетъ задержать противника, если бы онъ появился, для чего идетъ впередъ на западъ и занимаетъ позицію за р. Колодней у Валутинной горы. Въ 10 ч. утра здѣсь дѣйствительно возгорѣлся бой. Ней, подкрѣпленный дивизіею Гюдена, атакуетъ съ фронта; дивизія Морана направлена для охвата праваго фланга; Мюратъ и Жюно посланы на лѣвый флангъ. Отсутствие общаго командованія французами привело къ тому, что Тучковъ держался за р. Колодней противъ непріятеля, въ десять разъ сильнѣйшаго, до 3 ч. пополудни, а затѣмъ сталъ отходить назадъ къ Лубину. Но критическій моментъ для авангарда миновалъ, у Лубина показались выходящія изъ лѣсовъ главныя силы нашей колонны. Ермоловъ расположилъ ихъ на новой позиціи за р. Страганью и принялъ на себя отступающій авангардъ. Въ 4 часа пополудни на этой позиціи собралось уже около 8 т. человѣкъ, которые вскорѣ должны были быть подкрѣплены Рязанскими и другими баталіонами 17 дивизіи, снѣжившими отъ Горбунова.

Позиція за р. Страганью вправо отъ большой Московской дороги представляла сначала открытую возвышенность лѣваго берега рѣки, а далѣе упиралась у д. Гречишки въ лѣсъ, за которымъ шла дорога отъ Жукова и Кашаева-путь движенія Рязанцевъ. Лѣвѣ большой дороги подъ спускомъ съ высотъ, на протяженіи около полу-

версты лежала низина, покрытая кустарникомъ, дальше на югъ опять шли возвышенности частью покрытыя лѣсомъ, частью открытыя, доступныя для дѣйствія кавалеріи. Центръ позиціи, д. Коношки, силенъ по мѣстности, оборонялся 6 бат., на правомъ флангѣ у д. Гричишекъ 3 бат., въ низинѣ въ кустахъ 4 бат.; въ резервѣ за правымъ флангомъ 2 бат., за лѣвымъ 3 бат., на лѣвомъ же флангѣ находились 26 эск.

Правый флангъ, лѣсъ у Гречишки, составлялъ, что называется, ключъ позиціи. Если бы французы сразу его захватили, то нашъ 2-й корпусъ, не присоединившійся еще къ остальнымъ войскамъ, былъ бы отрѣзанъ и отброшенъ на сѣверъ. Лѣвый флангъ представлялъ для наступленія тѣ выгоды, что давалъ возможность превосходной числомъ французской кавалеріи охватить, а корпусу Жюно даже обойти его. Къ счастью у французовъ не было общаго руководства въ дѣйствіяхъ. Четыре самостоятельныхъ начальника—Ней, Мюратъ, Даву, Жюно, впрочемъ послѣдній обнаруживалъ уже признаки помѣшательства, шли по направленію, данному Наполеономъ еще отъ Валутина. Часъ продолжалась канонада, пока непріятель строилъ боевой порядокъ, а въ 5 часовъ вечера поведены атаки: прямо съ фронта дивизія Гюдена, имѣя въ резервѣ дивизію, правѣе ихъ развернулась у Латышина дивизія Разу, за нею дивизія Маршана.

Рѣшившись на бой, Ней повелъ по своему обыкновенію яростныя атаки прямо въ лобъ на сильный центръ позиціи. Четыре раза французы съ громкими криками «vive l'empereur» бросались на батарею у большой дороги, но каждый разъ были опрокидываемы. Г. Гюденъ во главѣ атакующихъ войскъ смертельно пораженъ ядромъ на полуразрушенномъ мосту черезъ р. Страганъ. На время рукопашный бой смѣнился неумолкаемой пушечной пальбой. Пользуясь такимъ перерывомъ, Барклай-де-Толли усилилъ войсками резерва передовыя линіи. Мѣра предпринята, какъ нельзя кстати. Французы возобновили атаки на центръ. Стремительнымъ натискомъ они смяли полки Гренадерскій, Екатеринбургскій, Елецкій; батареи у лѣса Гречишки стали сниматься съ позиціи, бой въ центрѣ и на правомъ флангѣ поддерживается усиліями всѣхъ почти тамъ находящихся войскъ. Но отъ Тычинина спѣшить уже 2-й корпусъ, впереди 17 дивизія, а въ головѣ ея Рязанскіе баталіоны. Они немедленно же направлены на под-

крѣпленіе центра и пока вступили въ дѣло одними застрѣльщиками.¹⁰⁸ Было 7 часовъ вечера; французы непрерывно продолжаютъ свои атаки, Миоратъ бросается на кавалерію Орлова-Денисова, заставляя ее уклонить лѣвый флангъ назадъ, но въ свою очередь встрѣченъ пѣхотою и принужденъ остановиться. По личной просьбѣ Миората, Жюно выдвигаетъ тогда вестфальскую дивизію Охса, но несвоевременныя ея атаки отражены съ большимъ урономъ. Въ 8 ч. вечера сраженіе на лѣвомъ флангѣ прекратилось. Но въ центрѣ, гдѣ дрались Рязанскія роты, бой еще кипѣлъ. Въ 9 часовъ вечера, когда совершенно смерклось, г. Жераръ, принявшій начальство надъ дивизіей Гюдена, произвелъ послѣднюю атаку черезъ рѣку Страгань. Французы стремительно кинулись на нашу позицію. Генераль Тучковъ повелъ имъ навстрѣчу Екатеринославскихъ гренадеръ; желая ободрить солдатъ, онъ пошелъ въ головѣ послѣднихъ рядовъ, ударилъ въ штыки, но гренадеры опрокинуты, а самъ Тучковъ раненный остался въ рукахъ французовъ. На выручку отступавшимъ въ безпорядкѣ гренадерамъ бѣглымъ шагомъ, съ ружьями наперевѣсь, двигаются Рязанцы. Ихъ лично ведетъ начальникъ дивизіи графъ Олсуфьевъ. Въ стремительномъ ударѣ принимаетъ участіе и Брестскій полкъ. Трудно возстановить подробности ожесточенной рукопашной схватки въ ночной тишинѣ. О результатахъ ея можно лишь судить изъ того, что французы были опрокинуты и болѣе атакъ не возобновляли, поведеніе же Рязанцевъ въ бою опредѣляютъ потери. Въ сей славный для полка день убиты 7 мушкатерской роты прапорщикъ Антонъ Фотьевъ и 1-й гренадерской Никита Алексѣевъ; ранены прапорщики: Николай Вороновъ и Казиміръ Пузыревскій. Нижнихъ чиновъ убито 95 человекъ, безъ вѣсти пропало 26.¹⁰⁹

Кровопролитнымъ боемъ 7 августа закончились операціи у Смоленска.¹¹⁰ Вовлечь русскихъ въ генеральное сраженіе Наполеону не удалось.

Выставивъ на позиціи сторожевыя части, мы расположились биваками по р. Еровенкѣ, а въ 4 часа утра 8 августа снялись съ ночлега и пошли къ Соловьевой переправѣ. Враждебныя арміи разошлись снова другъ отъ друга на 2¹/₂ недѣли и вновь сошлись лишь на поляхъ Бородинскихъ. Проходя по понтонамъ у Соловьевой, Рязанцы увидѣли крестный ходъ съ чудотворной иконой Смо-

ленской Божіей Матери; ряды разступились и взоры всѣхъ обратились невольно съ благоговѣйной молитвой къ Святой Иконѣ.

9-го августа полкъ отошелъ къ Усвятыю на рѣкѣ Ужѣ. Тутъ армія остановилась, предполагено было принять сраженіе. Недостатки позиціи, однако, заставили отступить въ ночь съ 11-го на 12-е августа къ Дорогобужу.

Несмотря на сильныя жары и большія потери, французы преслѣдовали довольно упорно. Въ то время, когда главныя силы Наполеоновой арміи шли кратчайшимъ путемъ къ Дорогобужу, войска вице-короля двигались въ обходъ праваго нашего фланга проселочными дорогами, по духовщинской дорогѣ. Противъ угрозы обхода Рязанскій полкъ, совмѣстно съ другими частями 2-го пѣхот. и 1-го кавалерійскаго корпусовъ, двинуть былъ 12 августа на правую сторону Днѣпра. Но русская армія недолго оставалась подъ Дорогобужемъ. Въ ночь на 13 число отступленіе возобновлено тремя колоннами. Рязанскій полкъ шелъ въ правой колоннѣ черезъ Конюшкино, Афанасьево и 15-го августа прибылъ въ Вязму.¹¹¹ Такъ какъ у этого города не оказалось удобной позиціи, то войска 16-го числа продолжали отступательный маршъ. При выступленіи изъ Вязмы жители зажгли городъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и послѣдовали за арміей. 17-го августа полкъ черезъ Федоровское подошелъ къ Цареву - Займищу. Здѣсь впервые по истеченіи 12 лѣтъ увидѣли Рязанцы бывшаго своего шефа-командира, теперь назначеннаго на высокій постъ главнокомандующаго, г. Голеницева - Кутузова. Вотъ онъ верхомъ въ бѣлой съ краснымъ околышкомъ фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно и съ нагайкой черезъ другое плечо подѣхалъ къ выстроеннымъ на бивакахъ баталіонамъ. Дружнымъ ура встрѣтили его солдаты. Повсюду слышался говоръ: «пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ.» Молва разнеслась по всей Россіи, что будто бы во время объѣзда лагеря огромный орелъ взвился надъ головой новаго главнокомандующаго. Князь А. Б. Голицынъ въ своихъ запискахъ относитъ это событіе ко времени обозрѣнія Кутузовымъ Бородинской позиціи. Какъ бы тамъ ни было, но преданіе это служить свидѣтельствомъ надеждъ, возбужденныхъ среди русскаго народа.

Осмотрѣвъ позицію у Царева - Займища Кутузовъ, какъ будто бы, остался ею доволенъ. Никто не сомнѣвался, что наступаетъ часъ

рѣшительнаго боя, но вдругъ 12 августа неожиданно для всѣхъ послѣдовалъ приказъ отступать къ Москвѣ. Движеніе отъ Царева Займища въ опустошенной странѣ,¹¹² казалось, подорвало остатки нравственныхъ силъ русскихъ воиновъ. «Сегодня, 18-го августа,» писалъ главнокомандующій,¹¹³ «поймано въ самое короткое время разбредшихся до 2 т. нижнихъ чиновъ. Сіе сдѣлано не стараніемъ начальниковъ, но помощью воинской полиціи. Такое непомятое число отлучившихся отъ своихъ командъ солдатъ, во избѣжаніе службы, доказываетъ необыкновенное ослабленіе надзора господъ полковыхъ начальниковъ. Привычка къ мародерству, сею слабостью начальства, возымѣвъ дѣйствіе свое, но мораль солдата обратилась ему почти въ обыкновеніе, которое искоренить должны самыя строгія мѣры. Главное дежурство въ арміи отошлетъ пойманныхъ сегодня бродягъ при спискахъ въ полки, которымъ на первый разъ предписываю оныхъ наказать строжайшимъ образомъ. За симъ имѣю я надѣяться, что господа полковые начальники, для пользы службы и собственной чести, возьмутъ мѣры и старанія къ прекращенію сего вкравшагося въ большой степени вреда. Въ будущее же время таковыя пойманные по жребью будутъ казнены смертию.»

Спустя три дня, читаемъ опять въ приказѣ по арміи:¹¹⁴ «объявить въ полкахъ и командахъ, что тотъ изъ нижнихъ чиновъ, который за симъ повелѣніемъ, по происшествіи 24-хъ часовъ, будетъ пойманъ въ полуверстѣ отъ большой дороги, въ сторонѣ, накажется яко дезертиръ.» Строгія предостереженія мало, однако, относились къ Рязанскому полку, число бѣжавшихъ въ которомъ, судя по отчетамъ, за августъ мѣсяцъ составляло всего 15 человѣкъ.¹¹⁵

Изъ другихъ первоначальныхъ распоряженій Кутузова по арміи слѣдуетъ отмѣтить еще подчиненіе нашего 2-го и 6-го пѣхот. корпусовъ генералу отъ инфантеріи Милорадовичу.¹¹⁶ Между тѣмъ Рязанцы продолжали отступать, миновали Гжатскъ и въ ночь съ 19-го на 20-е августа расположились бивакомъ у Ивашкова; тутъ на укомплектованіе полка поступили прибывшіе изъ Калуги 3 барабанщика, 230 рядовыхъ и одинъ цирюльникъ.¹¹⁷

21-го августа полкъ черезъ Дурикину прибылъ къ Болоцкому монастырю, а 22-го, въ день полковаго праздника, сталъ у села Бо-

родина, въ 108 верстахъ отъ Москвы, гдѣ Кутузовъ рѣшился, наконецъ, принять сраженіе.¹¹⁸

Слѣдуя за нами безостановочно, французы 24-го августа заняли Колоцкій монастырь и атаковали Шевардино, передовой пунктъ Бородинской позиціи. Въ кровопролитномъ бою этомъ участвовала большая часть 2-й арміи кн. Багратіона. Къ ночи противникъ, сосредоточивъ значительныя силы противъ нашего центра и лѣваго фланга, расположился биваками въ виду главной позиціи.

Мѣстность, на которой избрана была Бородинская позиція, вмѣстѣ съ склономъ отъ старой Смоленской дороги къ р. Москвѣ. Рѣка Колоча прикрываетъ правый флангъ позиціи и течетъ по болотистой долинѣ параллельно къ новой Смоленской дорогѣ, до села Бородина; отсюда, пересѣкая эту дорогу, до самаго впаденія въ р. Москву Колоча течетъ по долинѣ съ обрывистыми берегами высотой во многихъ мѣстахъ до 5 саж.; правый берегъ господствуетъ надъ лѣвымъ, это сильнѣйшая часть позиціи. Близъ Бородина въ Колочу впадаютъ три рѣчки: противъ села ручей Стонецъ, выше его р. Война, еще выше Колоча принимаетъ справа безводную рѣчку Семеновку. Между р. р. Стонецъ и Война, на возвышенности, въ видѣ мыса съ крутыми берегами, лежитъ с. Бородино; между Семеновкой, Колочей и Стонцею господствующая высота названа курганомъ или батареей Раевского.

Всѣ упомянутыя рѣчки отъ бывшихъ въ то время сильныхъ жаровъ высохли, даже въ Колочѣ было мало воды.

Отъ с. Семеновскаго, что въ нижней части ручья Семеновки, простирается влѣво до полей д. Утицы обширная равнина, покрытая ольховымъ и березовымъ кустарникомъ, аршина въ $1\frac{1}{2}$ вышиною. Поля Утицы окружены лѣсами съ 3-хъ сторонъ; эти же лѣса оглабаютъ съ тыла лѣвый флангъ позиціи. Черезъ д. Утицу и лѣса пролегаетъ старая Смоленская дорога.

Отъ р. Каменки (притокъ р. Семеновки) къ сторонѣ непріятеля мѣстность постепенно возвышается и въ 2-хъ верстахъ отъ ручья близъ с. Шевардина высоты оканчиваются тремя курганами. Русскія войска расположились отъ д. Горокъ, праваго фланга къ возвышенію

между Стопцемъ и Семеновскою (центр), отсюда подъ тупымъ исходящимъ угломъ черезъ Семеновское къ Утицѣ (лѣвый флангъ). Такимъ образомъ центръ и лѣвый флангъ были совершенно открыты, не защищены никакой мѣстной преградой, кромѣ того лѣвый флангъ легко подвергался обходу по старой Смоленской дорогѣ.

Для укрѣпленія позиціи сдѣлано было очень мало. Земляныя работы затруднялись съ одной стороны—множествомъ камней, которыми усеяны поля Бородинскія, съ другой—недостаткомъ шанцеваго инструмента; его потребовали изъ Москвы, но инструментъ былъ доставленъ лишь въ самый день сраженія.¹¹⁹

По диспозиціи, отданной 24 августа, Рязанскій полкъ въ составѣ 2-го корпуса расположился на крайнемъ правомъ флангѣ всей арміи, прикрытымъ р. Колочей. Здѣсь на курганѣ у Горокъ, по правую сторону дороги, построена батарея на 3 орудія, впереди нея сажень на 200 по скату отлогости отъ Горокъ къ Бородину—другая на 9 орудій. Мостъ на Колочѣ оставленъ въ цѣлости, а село Бородино отчасти приспособлено къ оборонѣ.

Въ инструкціи главнокомандующаго для боя читаемъ: наступательныя движенія производить въ колоннахъ къ атакѣ, стрѣльбою отнюдь не заниматься, по дѣйствовать быстро холоднымъ оружіемъ. Въ началѣ дѣла менѣе выслать стрѣлковъ, но имѣть не большіе резервы для освѣженія въ цѣпи людей, а прочихъ людей построеными позади въ колоннѣ. Вообще сколько возможно избѣгать перестрѣлки, которая никогда не влечетъ за собою важныхъ послѣдствій, но стоитъ непременно немалаго количества людей. Въ атакахъ на непріятеля, производимыхъ войсками, воспретить кричать ура, развѣ въ 10 уже отъ непріятеля шагахъ, тогда сіе дозволяется. Во всякомъ другомъ случаѣ взыщется строго. Особыхъ прикрытій вблизи батарей расположенныхъ не имѣть, но учреждать оныя по мѣрѣ приближенія непріятеля или явнаго его на батарею покушенія, иначе непріятелю дается вдругъ двѣ цѣли и батарея сама по себѣ и ея прикрытіе.

Весь день 25-го августа прошелъ въ приготовленіяхъ къ бою. Вдоль линіи войскъ пронесена Икона Смоленской Божіей Матери

и духовенство въ богатыхъ ризахъ, останавливаясь, служило молебны. Тысячи воиновъ падали на колѣни, молясь съ усердіемъ. Бузузовъ со штабомъ встрѣтилъ Св. Икону и поклонился Ей до земли. Онъ подѣзжалъ къ полкамъ, говорилъ съ солдатами о защитѣ Москвы и Россіи. Унынія не было замѣтно, но не было и шумнаго восторга. Предстоящая битва вызывала скорѣе торжественную тишину и молчаніе. Огни бивачные разводились какъ бы нехотя, несмотря на сырость. Зато въ французскомъ лагерѣ слышалось большое оживленіе и пылали громадныя костры.

На разсвѣтѣ 26-го августа Рязанцы въ линіи полковъ 2-го корпуса стали въ ружье, имѣя правый флангъ свой въ 100 саж. отъ р. Москвы; нѣсколько впереди уступомъ расположился 6 пѣхот. корпусъ, въ довольно значительномъ разстояніи, позади видѣлись всадники 1-го кавалерійскаго корпуса, а лѣвѣе ихъ донцы атамана Платова. Всего въ 2-хъ баталіонахъ подъ начальствомъ подполковника Ореуса могло быть не болѣе 700 ч. нижнихъ чиновъ и 20 офицеровъ.¹²⁰

Въ исходѣ 6 часовъ утра французская батарея Сорбье первая открывала огонь, вслѣдъ затѣмъ раздался огонь лѣвѣе непріятельской батареи и постепенно, передаваясь отъ центра къ обоимъ флангамъ, загремѣлъ бой сотенъ орудій. Подъ громъ артиллерійской канонады двинулась французская пѣхота въ атаку на Семеновскія высоты и противъ с. Бородино. Пользуясь густымъ туманомъ, покрывавшимъ окрестности болотистой Колочи, французы близко подошли къ Бородину, неожиданнымъ нападеніемъ смяли гвардейскихъ егерей и, преслѣдуя ихъ, появились даже близъ Горокъ, гдѣ находился главнокомандующій. Одновременно другая часть, перейдя рѣчку Войну выше Бородина, ворвалась въ село съ той стороны, откуда никто не ожидалъ. Энергичнымъ распоряженіемъ Барклая де-Толли, вовремя двинувшаго подкрѣпленія, французы были опрокинуты и въ расстройствѣ отступили за Колочу; бой продолжался здѣсь не болѣе четверти часа и, какъ и теперь извѣстно, имѣлъ лишь демонстративное значеніе, съ цѣлью отвлечь вниманіе отъ болѣе важныхъ событій, подготовлявшихся въ центрѣ и на лѣвомъ флангѣ. Тамъ продолжалась сильнѣйшая канонада, гремѣли перекаты ружейной стрѣль-

Бородинское сражение, 26 Августа 1812 года.

бы, прерываемыя на мгновеніе гуломъ барабановъ и громкими криками ура. Французы яростно атаковали центральныя флешы, угрожая обходомъ съ лѣва со стороны Утицы. Но все усилія сбить русскихъ съ Семеновскихъ высотъ были тщетны. Наполеонъ усиливалъ атакующія войска все новыми и новыми подкрѣпленіями. Около 7¹/₂ часовъ отъ Шевардина, гдѣ находился Императоръ французовъ, выдвинулись грозныя линіи пѣхоты корпуса Нея и цѣлыя тучи блестящей кавалеріи. Обстановка по немногу выяснялась; медлить далѣе, держать въ бездѣйствіи на правомъ флангѣ тысячи свѣжихъ войскъ, горѣвшихъ желаніемъ сразиться съ врагомъ, нельзя было. Князь Багратіонъ, завидя наступленіе Нея, обратился прямо къ Барклаю-де-Толли, прося поддержать его частью 1-й арміи. Барклай-де-Толли приказалъ 2-му корпусу перейти съ праваго на лѣвый флангъ позиціи. Для этого передвиженія требовалось отъ 1¹/₂ до 2 часовъ времени. Въ 9 часовъ утра Рязанскій полкъ во главѣ 17 дивизіи направился по проселочной дорогѣ правѣе мызы Князькова. Пройдя мызу и, поровнявшись съ центромъ арміи, корпусный командиръ г. л. Баггевутъ оставилъ въ подкрѣпленіе его 4 дивизію, а съ нашей 17-й слѣдовалъ далѣе къ лѣвому флангу. Немного, однако, продвинулись Рязанцы отъ мѣста самой упорной, самой кровавой сѣчи. Лѣвѣе центра находился отрядъ г. м. графа Сиверса, конная артиллерія котораго, занимавшая высоты, не могла по малости калибра состязаться съ непріятельской. Корпусный командиръ приказалъ тогда смѣнить ее батареею ротою № 17 полковника Дитерихса, а Рязанскому полку прикрыть батарею.¹²¹

Трудно возстановить въ настоящее время подробности расположенія полка, еще труднѣе разобрать детали веденнаго имъ боя на самомъ чувствительномъ пунктѣ поля сраженія, гдѣ царилъ невѣроятный хаосъ, гдѣ перемѣшались части многихъ полковъ, гдѣ единственный, вѣрный свидѣтель, представитель славы Рязанцевъ, подполковникъ Ореусъ положилъ голову свою за вѣру, Царя и Отечество.

Миновавъ вершину Семеновскаго оврага, полкъ повернулъ вправо и, выйдя на линію орудій, рассыпалъ застрѣльщиковъ, кустарники лѣвѣе батареи заняли роты Брестскаго полка. Появленіе Рязанцевъ встрѣчено сильнѣйшимъ огнемъ непріятельскихъ орудій. Подъ

прикрытіемъ трехъ сильныхъ колоннъ пѣхоты, сближая свои батареи къ батареямъ нашимъ, французы видимо рѣшили довести дѣло до штыковой схватки; удачныя дѣйствія артиллеріи однако, выдержанные залпы Рязанцевъ охладили ихъ пылъ: колонны отступили за лѣсъ, вскорѣ скрылась и артиллерія. Отбитая полкомъ атака находилась въ тѣсной связи съ наступленіемъ на центръ Бородинской позиціи. Тамъ шелъ упорный бой за курганную батарею Раевского. Послѣ неоднократно возобновляемыхъ попытокъ французы въ 11-мъ часу выбили, наконецъ, прикрытіе изъ укрѣпленія, прорвавъ, такимъ образомъ, наши боевыя линіи. Только ничтожный отрядъ кавалеріи Сиверса съ Рязанскимъ и Брестскимъ полками связывали теперь отдаленный лѣвый флангъ съ центромъ арміи. Если-бы противникъ, утвердившись на курганѣ, двинулся впередъ въ значительныхъ силахъ, сраженіе безповоротно было бы проиграно. Но вотъ конная артиллерія, руководимая Кутайсовымъ, выстроилась фронтомъ къ потерянной батарее и открыла огонь по неуспѣвшимъ осмотрѣться въ укрѣпленіи французамъ. Генералъ Ермоловъ ведетъ въ штыки первыя попавшіяся ему подъ руки пѣхотныя части, курганъ опять въ рукахъ русскихъ. Подоспѣвшая 4 дивизія 2-го корпуса окончательно закрѣпляетъ одержанный успѣхъ. Ожесточенную рукопашную схватку смѣнилъ неумолкаемый ни на минуту ревъ орудій. Съ командующихъ позицій перекрестнымъ огнемъ громятъ французы наши баталіоны. Участокъ Рязанскаго полка, освободившійся только что отъ непосредственно угрожавшей ему опасности съ фронта, теперь буквально засыпанъ ядрами. Одно изъ нихъ смертельно поражаетъ командира Рязанцевъ, подполковника Алексѣя Максимовича Ореуса; убитъ командиръ 9-й роты штабсъ-капитанъ Иванъ Коршевъ, падаетъ раненный маіоръ Лау, въ командованіе полкомъ вступаетъ единственный уцѣлѣвшій штабъ-офицеръ маіоръ Новиковъ.¹²² Между тѣмъ, послѣ полудня Наполеонъ рѣшился опять штурмовать батарею Раевского сразу съ трехъ сторонъ. Въ 2-мъ часу началась атака, а въ 4-мъ русскія войска, выбитыя изъ укрѣпленія, расположились въ 400 саж. отъ него за горицкимъ оврагомъ. Утомленные, ослабленные продолжительнымъ боемъ, обѣ стороны мало-по-малу прекращали его, артиллерія постепенно умолкала. Зато на крайнемъ лѣвомъ флангѣ, гдѣ дрались части нашей 17 дивизіи, перестрѣлка

была все еще весьма жаркой. Флангъ этотъ упирался въ лѣсъ, тянувшійся по старой Смоленской дорогѣ и отстоялъ отъ Семеновскаго напушечный выстрѣлъ. Свободный промежутокъ занимали, какъ извѣстно. Рязанскій и Брестскій полки, которые съ потерей батареи Раевского и отступленіемъ центра, очутились въ критическомъ положеніи. Идти на соединеніе къ главнымъ силамъ корпуса—вотъ послѣдняя задача полка въ Бородинскомъ сраженіи. Выполнить ее однако не сразу удалось.

Дѣла на лѣвомъ флангѣ къ 4-мъ часамъ пополудни, благодаря поддержкѣ 17-й и 4-й дивизій, находились въ томъ же положеніи, какъ и въ началѣ сраженія. Руководившій здѣсь операціями противника польскій генералъ Понятовскій, овладѣвъ въ 9 час. утра дер. Утицей, долго оставался въ бездѣйствіи. Только около 11 часовъ онъ атаковалъ курганъ за деревней, опорный пунктъ лѣваго фланга, взялъ его, но въ свою очередь выбитъ подоспѣвшими подкрѣпленіями и отброшенъ назадъ къ Утицѣ. Не повторяя атакъ, Понятовскій ограничился канонадой до того момента, когда успѣхъ французовъ въ центрѣ достаточно ясно опредѣлился. Уже съ 4 часовъ обнаружилось стремленіе непріятеля прорваться между войсками 2-го корпуса, занимавшими позицію у кургана и лѣвымъ крыломъ остальной арміи. Сильныя колонны отъ Утицы потянулись къ сторонѣ отряда г. м. Северса. Первый натискъ въ густомъ кустарникѣ выдержали роты Брестскаго полка, которыя съ бригаднымъ командиромъ г. м. гр. Ивеличемъ перешли даже въ наступленіе. Встрѣченный превосходной артиллеріей, Брестскій полкъ дрогнулъ, а потеря тяжело раненнаго бригаднаго командира окончательно обезкуражила солдатъ. Г.Л. Баггевутъ двинулъ тогда на выручку Вильманстрандскій полкъ, приказавъ ему соединиться съ Рязанскимъ и непремѣнно опрокинуть непріятеля¹²³. Не взирая на сильный ружейный огонь, Рязанцы съ лѣваго фланга, Вильманстрандскій полкъ съ праваго и отчасти съ тыла бросились въ штыки и опрокинули непріятеля. Въ жестокой, разыгравшейся здѣсь рукопашной схваткѣ, особенно отличились унтеръ-офицеры—Рязанцы: Александръ Поздѣвъ, Иванъ Пановъ, Василій Мезенцевъ и рядовые: Петровъ, Осиповъ, Таракановъ, Исаковъ, Николаевъ, Орловъ, Домарчукъ, Прокофьевъ, Воробьевъ и Емельяновъ. Молодцы эти въ общей свалкѣ не только спасли отъ плѣна штабсъ-капитана Вири-

лова и раненнаго прапорщика Алексѣева, но и сами захватили въ плѣнъ 18 человекъ французовъ. Почти въ тоже самое время вестфальская пѣхота въ 2-хъ колоннахъ съ 4-мя орудіями пробиралась лѣвомъ, дабы зайти въ тылъ нашей бригадѣ, но встрѣченная сначала батальономъ Таврическаго, а потомъ Минскимъ полкомъ, отступила. Путь Рязанцамъ былъ свободенъ и они присоединились къ полкамъ своей дивизіи. Удачный ходъ разрозненныхъ боевъ на лѣвомъ флангѣ не устранилъ все же опасности, угрожавшей ему въ слѣдствіе отступленія центра. Г. Л. Баггеутъ, взвѣсивъ обстановку, приказалъ отходить назадъ. Пройдя около версты по старой Смоленской дорогѣ, полкъ въ 5 часовъ пополудни расположился на одной высотѣ съ лѣвымъ крыломъ арміи у Семеновскаго.

Лишь только Понятовскій замѣтилъ отступленіе русскихъ, какъ немедленно двинулся впередъ и безъ сопротивленія занялъ оставленный нами курганъ. Горячность нѣкоторыхъ генераловъ, высказавшихъ сожалѣніе о потерѣ кургана, еще разъ возобновила за него бой. Корпусный командиръ, по настоятельной просьбѣ окружающихъ, двинулъ къ кургану остатки полковъ Минскаго и Кременчугскаго, за ними въ колоннѣ къ атакѣ слѣдовали Рязанскій и Брестскій полки. Предпріятіе, однако, не удалось. Встрѣченные залпами и атакованные во флангъ кавалеріей, мы отступили съ урономъ¹²⁴

Въ 9 часовъ вечера нашъ 2-й корпусъ съ большей частью 3-го стоялъ по обѣ стороны старой Смоленской дороги на продолженіи линіи, занятой войсками 2-й арміи, образуя съ нею входящій уголъ. Солнце стояло еще высоко и всѣ ежеминутно ждали наступленія прославленной гвардіи Наполеона. Но непріятель ограничился канонадой, которая по немногу затихла. Уже въ сумерки, по приказанію Кутузова, г. Толь обзрѣвалъ расположеніе войскъ лѣваго крыла Утицы. Полкъ готовился къ предстоящему на другой день бою. Въ полночь, однако, получено предписаніе отступать за Можайскъ.¹²⁵

Упорное сопротивленіе русскихъ войскъ въ незабвенный день Бородина поселило надежду преградить непріятелю путь къ Москвѣ. Невозможное казалось возможнымъ. Почти 90 т. убитыхъ и раненныхъ французовъ и русскихъ, покрыли Бородинское поле. Наполеону за 7000 верстъ отъ Парижа было надъ чѣмъ призадуматься.

Ряз
каптан
рій
Тол
гос
5
въ

что

Нол
ма
шт
ор
гра
Бр
поди
от
въ
ні
че
Зч
сі
за
пе
пр
во

Рязанскій полкъ потерялъ убитыми, кромѣ командира полка и штабсъ-капитана Каршева, 87 нижнихъ чиновъ.

Ранены: маіоръ Лау, командиръ 1-й мушк. роты штабсъ-капитанъ Кринарій Павель и 7-й роты подпоручикъ Смольяновъ Григорій.¹²⁶ Число раненныхъ нижнихъ чиновъ по отчетамъ не показано. Только лишь въ полковомъ рапортѣ отъ 1-го октября находимъ въ госпиталяхъ раненныхъ за августъ мѣсяць 11 унтеръ-офицеровъ, 5 музыкантовъ, 234 рядовыхъ. Общія потери полка слѣдовательно въ дѣлахъ у Смоленска и въ сраженіи у Бородина были:

Штабсъ-офицеровъ 2,
Оберъ-офицеровъ 7,
Нижнихъ чиновъ 467,

что равняется 66% всего его состава.

За Бородинское сраженіе награждены золотымъ оружіемъ: маіоръ Новиковъ (онъ-же и орденомъ Владимира 4 ст. съ мечами), капитаны: командиръ 1 мушкатер. роты Горенбургъ, 8-й мушкатер. Нейковъ; штабсъ-капитанъ Роговскій 3-й мушкатер. и Осокинъ 7-й мушкатер.; орденъ Св. Владимира 4 ст. получили: маіоры Лау и Амантовъ, награждены слѣдующими чинами: штабсъ-капитанъ Ейлеръ и поручикъ Кринарій; всѣмъ нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ сраженіи, Высочайше пожаловано по 5 руб., знаковъ отличія Военнаго ордена дано 35.

27-го августа, до разсвѣта полкъ снялся съ позиціи у Бородина и отступилъ за Можайскъ къ с. Жукову. На слѣдующій день отошли 18 верстъ до Землина, 29-го августа сдѣланъ переходъ еще въ 18 верстъ за рѣку Нару къ с. Крутицамъ. Тамъ для составленія третьихъ шеренгъ поступили въ полкъ ратники Московскаго ополченія, да еще изъ своднаго баталіона изъ С.-Петербурга подпоручикъ Засенко привелъ 244 рядовыхъ.¹²⁷

Относительно ратниковъ въ приказѣ по арміи отъ 30 августа читаемъ: принимать воиновъ ополченія, не яко солдатъ постоянно въ сіе званіе опредѣленныхъ, но яко на время представившихъ себя на защиту Отечества. Воины Московскаго ополченія одеждъ своихъ не перемѣняютъ, бороды не брѣютъ и однимъ словомъ остаются въ прежнемъ ихъ состояніи и, по исполненіи сей священной обязанности, возвратятся въ дома свои.

30-го августа Рязанцы отошли еще 25 верстъ къ большой Вязёмъ (селу Никольскому), а на слѣдующій день къ д. Мамоновой. 1-го сентяря полкъ отъ Мамоновой двинулся къ Москвѣ¹²⁸ и расположился бивакомъ, не доходя столицы, въ 2-хъ верстахъ отъ Драгомиловской заставы. Въ строю на лицо состояло: 2 штабъ-офицера, 18 оберъ-офицеровъ, 41 унтеръ-офицеръ, 21 музыкантъ, 732 рядовыхъ и 74 нестроевыхъ.¹²⁹

Вслѣдствіе крупныхъ недостатковъ на избранной г. Беннигсеномъ для боя позиціи, рѣшеніемъ военного совѣта въ Филяхъ приказано отступить на рязанскую дорогу.¹³⁰

Въ ночь съ 1-го на 2-е сентября двинулись обозы, а за ними еще до разсвѣта, въ 3 часа утра вошли Рязанцы въ Москву черезъ Драгомиловскую заставу. Москва представляла смутное зрѣлище. Жители торопливо уходили изъ города. Исчезъ всякій порядокъ. Купцы, встрѣчая солдатъ на улицахъ, зазывали ихъ въ свои лавки, предлагая брать все, что угодно. «Пускай лучше наше добро достанется вамъ, нежели французамъ,» говорили они. Безмолвный и грустный былъ путь полка по улицамъ столицы. «Идемъ въ обходъ,» толковали промежъ себя солдаты, полагая, что ихъ ведутъ окольными дорогами черезъ Москву противъ непріятеля. 2-е сентября пришлось въ понедѣльникъ и въ народѣ считали это дурной примѣтой, другіе говорили: «не сдобровать Наполеону на понедѣльникемъ новоселіи въ Москвѣ.»

Движеніе войскъ къ Коломенской заставѣ, перемѣшанныхъ съ народомъ, уподоблялось огромной волнѣ. По мѣрѣ выхода изъ города, полки располагались приваломъ по обѣимъ сторонамъ дороги, а затѣмъ продолжали маршъ къ с. Панкамъ, въ 17 верстахъ отъ Москвы.¹³¹ У с. Панки полкъ простоялъ весь день 3 сентября и въ ту же ночь увидѣлъ страшное зарево Московскаго пожара. Въ часъ пополночи 4 сентября Рязанцы маршировали далѣе въ лѣвой колоннѣ арміи г. л. Уварова черезъ Перху и Верею и, перейдя по понтонному мосту, расположились лагеремъ между с. с. Буликово и Боровскій мостъ; обозы дошли до г. Бронницы.¹³² По достиженію Боровскаго моста рѣшено было фланговымъ движеніемъ перейти съ Рязанской на Калужскую дорогу.

5-го сентября Рязанцы форсированнымъ маршемъ перешли на дорогу, ведущую изъ Москвы въ Каширу. Движеніе это полкъ совершалъ въ 1-й правой колоннѣ г. Дохтурова черезъ Ягонову, Жуково, Константиново, Плетенику, Новлянскъ; отъ Колычева послѣ привала двигались далѣе черезъ Шишкину, Похриное и Юмъ до лагернаго мѣста. На слѣдующій день полкъ достигъ г. Подольска, гдѣ 7-е число провелъ на отдыхѣ. Все время фланговаго марша войска двигались по правому берегу Пахры, теченіе которой отдѣляло ихъ отъ непріятеля. По ночамъ огромное зарево Московскаго пожара зловѣщимъ отблескомъ своимъ освѣщало биваки.

8-го сентября, перейдя на лѣвый берегъ Пахры, полкъ ночевалъ у с. Горки, а 9-го числа расположился на правомъ берегу рѣки у с. Красной Пахры.

Когда мы, такимъ образомъ, совершали маршъ, Наполеонъ занялъ Москву и въ упоеніе отъ легкой добычи, потомъ въ заботахъ о пожарѣ, о призракѣ мира совершенно упустилъ изъ виду русскую армію. Въ теченіи 12 дней французы не имѣли о ней никакихъ свѣдѣній и вскорѣ убѣдились, что передъ ними на Рязанской дорогѣ только лишь казачьи отряды. 12-го сентября непріятель изъ Бронницы направился къ Подольску, но въ это время фланговый маршъ на Калужскую дорогу былъ оконченъ. Г. Калуга съ значительными запасами и Тула съ оружейными заводами прикрыты и обезпечена связь съ южными богатыми областями Имперіи. Кромѣ такихъ важныхъ выгодъ, изгибъ дороги у Гжатска сближалъ насъ съ путями отступленія Наполеона. Тѣмъ не менѣе наступленіе французовъ къ Подольску возбуждало нѣкоторое опасеніе. Кн. Кутузовъ отодвинулъ назадъ передовые отряды и приказалъ продолжать отступленіе.

15-го сентября въ Бабенковѣ за рѣкой Мочей сосредоточились главныя силы арміи (корпусъ 2, 3, 5, 6)¹³³. 19-го сентября полкъ выступилъ изъ Бабенкова, направляясь небольшими переходами черезъ Спасъ-Куплю къ Тарутину. Послѣдній переходъ до Тарутина Рязанцы совершили подъ начальствомъ г. л. Баггевута въ 3-й колоннѣ арміи (2-й корпусъ) и слѣдовали на д.д. Черново, Тетеринка, Левово, Мельковое, гдѣ переправились черезъ р. Нарѣ и, пройдя еще 2 версты, стали лагеремъ.¹³⁴ Тарутино, какъ мѣсто окончательнаго

сосредоточенія арміи, въ тактическомъ отношеніи страдало крупными недостатками: никакихъ естественныхъ преградъ, позиція окружена лѣсами, но за то мы находились на кратчайшей дорогѣ къ Москвѣ; по сторонамъ шли пути новый Калужскій и на Тулу. Отсюда легко было перейти на любую изъ дорогъ. Съ фронта позиція прикрыта была рѣкою Нарою, глубиною въ этомъ мѣстѣ до $\frac{1}{2}$ саж., а шириною отъ 15 до 20 саж., русло рѣки болотисто, берега не высоки, но круты. Въ составѣ войскъ 2-го корпуса, въ первой боевой линіи, развернутымъ фронтомъ, вытянулись по гребню высотъ Рязанскіе батальоны въ разстояніи отъ рѣки Нары шаговъ на 800; лѣвѣе стояли войска 6-го корпуса, шагахъ въ 1000 позади 2-я линія въ колоннахъ къ атакѣ, авангардъ г. Милорадовича въ 4-хъ верстахъ у д. Глодово и Дедня.¹³⁵ Главная квартира кн. Кутузова находилась въ дерев. Транищевой, потомъ въ дерев. Катышовкѣ. Отступленіе послѣ Бородина, сдача Москвы, сентябрскіе фланговые марши—все это чрезвычайно подорвало и нравственныя и физическія силы нашихъ воиновъ. Имѣя въ строю подъ Москвою почти 800 человекъ, полкъ прибылъ въ Тарутинскій лагерь въ составѣ 21 оберъ-офицера, 41 унтеръ-офицера, 9 музыкантовъ и 481 рядовыхъ; въ госпиталяхъ числилось больныхъ 816 ч.; роты насчитывали 50—70 наличныхъ нижнихъ чиновъ; полкомъ, за болѣзнью майора Новикова, командовалъ капитанъ Пряжевскій.¹³⁶

Дисциплина замѣтно пала. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ бѣжало 77 человекъ; мародерство и грабежи приняли неслыханные размѣры. Огорченный столь тяжелыми событіями, Государь Императоръ писалъ въ приказѣ по арміи:¹³⁷ «Мужественные и православные воины, любезные сыны Отечества! Вы тѣ русскіе защитники вѣры, которыхъ слава гремитъ во всемъ свѣтѣ. Недавно ратное поле видѣло подвиги ваши, недавно Отечество со слезами благодарило васъ за храбрость вашу и церковь Божія молилась о спасеніи вашемъ. Но къ великому прискорбію Моему, слышу Я, что есть между вами недостойные васъ сотоварищи ваши, которые, отлучаясь самовольно отъ командъ своихъ, шатаются по деревнямъ и лѣсамъ подъ именемъ мародеровъ; имя гнусное, никогда неслыханные въ русскихъ войскахъ, означающее вора, грабителя, разбойника. Должно ли почтенное имя защитника вѣры и Отечества оскверняться сими презрительными име-

нами. Россія,—мать ваша, что же можетъ быть преступнѣе, какъ видя ее расхищаемую врагами, не только не защищаться, но еще вмѣстѣ съ ними грабить и собственными руками раздирать утробу своей матери? Тяжкій грѣхъ сей не отпустится никогда ни въ семь вѣкѣ, ни въ будущемъ. Всякому начальнику предписывается строжайше за искорененіемъ сего зла смотрѣть и тотъ, кто примѣченъ будетъ нерадѣющимъ, о томъ, въ примѣръ другихъ и къ посрамленію своему, отлученъ будетъ на всегда отъ службы. Воины! Горящая Москва воспалитъ въ душахъ вашихъ огонь очищенія, потушите пожаръ ея кровью враговъ. Да не понесутъ они съ собою стыдъ вапъ и слезы вашихъ родныхъ и ближнихъ. Сего ожидаетъ поручанная ими церковь и оскорбленное Отечество.»

Слова Государя возымѣли свое дѣйствіе, а строжайшей дисциплиной и правильной раздачей провіанта безпорядки были устранены. Огромные обозы потянулись со всѣхъ сторонъ въ лагерь. Хозяева ихъ запрещали приказчикамъ брать лучшее. Пожертвованія, доставляемыя жителями подмосковскихъ и южныхъ губерній, позволили нижнимъ чинамъ отпускать ежедневно винныя и мясныя порціи. Спокойствіе и изобиліе возвысили духъ, разсѣяли уныніе. По вечерамъ гремѣла музыка, русская удалая пѣсня оглашала лагерь. Крестьяне толпами навѣщали своихъ родственниковъ, съ ними часто бесѣдовалъ самъ фельдмаршалъ Кутузовъ. Въ Тарутинскомъ лагерѣ Русь собралась съ силами. Къ счастью, времени было достаточно. Наполеонъ убѣдившись, что русскіе не имѣютъ намѣренія наступать, развелъ свою сосредоточенную армію на широкія квартиры, дабы обезпечить ее средствами продовольствія.

Между тѣмъ у насъ дѣятельно готовились къ зимней кампаніи. Съ началомъ октября построены землянки, выданы тулупы, исправлялась матеріальная часть, пришедшая въ негодность за время продолжительнаго тяжелаго похода. Дни проходили въ обученіи рекрутъ необходимѣйшимъ построеніямъ и стрѣльбѣ въ цѣль съ руки на 100 — 200 шаговъ въ пустыя сараи, чтобы пули не пропадали. Такихъ обучающихся, пополнившихъ ряды полка, въ сентябрѣ мѣсяцѣ было 263 ч. рекрутъ 6 пѣх. резервнаго Рязанскаго полка, въ октябрѣ мѣсяцѣ Тамбовскаго полка прибыло еще 122.

Число офицеровъ тоже увеличилось. Приказомъ главнокомандующаго отъ 14-го сентября произведены за отличіе въ сраженіяхъ въ прапорщики фельдфебеля: Гусельниковъ Егоръ, Никитинъ Василій, Герасимовъ Герасимъ, Михайловъ Иванъ; портуней-прапорщики Силантьевъ Адамъ, Красковъ Даниль и Бутовичъ; ун.-оф. Гесвелинъ Густавъ, да изъ 2-го запаснаго баталіона переведенъ въ дѣйствующій поручикъ Полозовъ и подпоручикъ Борцовъ.¹³⁸ Самымъ выдающимся, однако, для полка событіемъ послѣдняго времени былъ Высочайшій приказъ, состоявшійся вскорѣ, 18 октября, объ отставленіи отъ службы шефа полка г. м. Алексѣева. Хотя генералъ - маіоръ Алексѣевъ фактически пересталъ вліять на дѣла полка еще съ февраля мѣсяца, когда по болѣзни остался въ Полоцкѣ, тѣмъ не менѣе Рязанцы со дня на день ожидали его возвращенія; теперь же исчезла всякая надежда. Мало того, о назначеніи новаго шефа приказъ ничего не говорилъ. Мѣсто убитаго командира полка не замѣщалось и лишь въ концѣ октября въ командованіе полкомъ вступилъ, оправившійся отъ болѣзни, маіоръ Новиковъ, но вступилъ, такъ сказать, частнымъ образомъ. А продолжительное отсутствіе начальниковъ, представителей чести и славы полка, обязанныхъ заботиться не объ одномъ лишь исправленіи неотложныхъ текущихъ дѣлъ, имѣло, какъ увидимъ, самыя плачевныя послѣдствія. Не этому ли слѣдуетъ приписать, что подвиги Рязанцевъ въ дѣлѣ подъ Смоленскомъ, въ сраженіи подъ Бородиномъ, гдѣ положили они свыше 60% своего состава, упоминаются въ реляціяхъ корпусныхъ командировъ, какъ бы вскользь, мимоходомъ. Рапортъ г. м. Баггевута о Бородинскомъ сраженіи ни однимъ словомъ не обмолвился даже о славной смерти командира Рязанцевъ, а между тѣмъ въ немъ поименованы легко раненые шефы, командары другихъ полковъ 2-го корпуса. И чѣмъ дальше, тѣмъ, конечно, должно было быть хуже. Полкъ таля въ бояхъ и невзгодахъ, изображалъ собою въ концѣ концовъ какія нибудь двѣ — три роты и не кому было напомнить о славной службѣ Царю Рязанцевъ. Къ этому чрезвычайно важному, по своимъ послѣдствіямъ для полка вопросу мы еще вернемся при подведеніи итога дѣятельности за время великихъ наполеоновскихъ войнъ, теперь же не будемъ прерывать событій.

23-го сентября приказано расположиться болѣе просторно, раз-

вести большіе огни, варить кашу съ мясомъ, пѣть пѣсни, играть музыкѣ; по лагерю разнеслась вѣсти: пріѣхалъ французскій генералъ Лористонъ просить мира. Дѣйствительно, положеніе Наполеона становилось съ каждымъ днемъ отчаяннѣе. Война приняла народный характеръ; отряды партизановъ держали непріятеля въ Москвѣ, какъ бы въ осадѣ. Вскорѣ имѣло кончиться и наше бездѣйствіе. Верстахъ въ 6 отъ Тарутинскаго лагеря стоялъ авангардъ французской арміи подъ начальствомъ Мюрата. Чрезвычайно неудобное его расположеніе на рѣкѣ Чернишинѣ въ 60 верстахъ отъ Москвы, т. е. главныхъ силъ Наполеона, подавало мысль нечаяннымъ нападеніемъ не только разбить, но и уничтожить слишкомъ выдвинутый впередъ авангардъ.

Сначала предполагено наступленіе произвести съ разсвѣтомъ 5-го октября, но по различнымъ недоразумѣніямъ оно отложено до 6-го числа. Рязанскому полку, доведенному теперь до состава свыше 700 человекъ при 20 оберъ-офицерахъ,¹³⁹ диспозиція предназначала довольно видную роль, а именно: въ правой главной колоннѣ г. Беннигсена онъ долженъ былъ перейти рѣку Нару у Спаскаго, двинуться ночью безъ шума лѣсами, примыкающими къ лѣвому флангу противника, по дорогѣ на дер. Тетеринку и съ разсвѣтомъ атаковать 14 орудійную батарею у этой деревни.

На бивачномъ мѣстѣ лагеря оставлены отъ каждой роты по унтеръ-офицеру, по 3 рядовыхъ, барабанщики и музыканты, которымъ надлежало въ свое время бить зорю; подъ наблюденіемъ одного изъ офицеровъ полка огни разводились не болѣе обыкновеннаго, причѣмъ шалашей отнюдь жечь не велѣно.

Во исполненіе диспозиціи полкъ выступилъ съ вечера 5-го октября. Ночное движеніе, значительная глубина колонны повліяли до такой степени на уменьшеніе скорости марша, что только къ 7 ч. утра Рязанцы, слѣдуя въ головѣ, достигли опушки лѣса у с. Хоросино, т. е. сдѣлали 15 верстъ въ 12¹/₂ ч. времени. Естественно, заднія войска, полки 4 и 3 корпуса, отстали, пришлось ихъ дожидаться и, вмѣсто ночнаго дебушированія изъ лѣсу, выводить и строить баталіоны днемъ, подъ огнемъ батарей съ 1000 шаговъ. Дабы об-

легчить выходъ изъ лѣсу, произвели его тремя колоннами: средняя изъ 4 бат. егерей, съ ней шелъ корпусный командиръ г. л. Баггевуть, лѣвѣе егерей наступали Рязанцы (17 дивизіи), правѣ баталіоны 4-й дивизіи. Когда, такимъ образомъ, пѣхота говорила къ атакѣ, казаки Орлова-Денисова бросились на сонные французскіе биваки, привели въ разстройство весь авангардъ, захвативъ 38 орудій, но вмѣсто того, чтобы довершить стремительный натискъ преслѣдованіемъ, занялись грабежемъ непріятельскаго обоза. Это даетъ возможность французамъ кое-какъ оправиться. Показавшіеся на опушкѣ русскія колонны, встрѣчены сильнымъ огнемъ батарей, однимъ изъ первыхъ выстрѣловъ пораженъ корпусный командиръ, а смерть его не могла не оказать вліянія на исходъ дѣла. Спасая отрядъ, французскіе карабинеры смяли егерей средней колонны, многихъ изрубил. Обезкураженный частной неудачей г. Бенигсенъ упустилъ изъ виду главную цѣль боя—отрѣзать отступление Мюрату и стянулъ всѣ войска въ помощь егерямъ. Столпившись на небольшомъ пространствѣ, они безъ пользы несутъ потери, а тѣмъ временемъ французы отходятъ, только казаки да 6 слабыхъ баталіоновъ, обойдя лѣвый флангъ противника, могли вести преслѣдованіе, которое прекращено у Спасъ-Купли. Непріятель потерялъ 38 орудій, 40 заряд. ящиковъ, 1 штандартъ, много повозокъ, 1¹/₂ т. плѣнныхъ, раненныхъ и убитыхъ около 1 т. Уронъ русскихъ простирался до 1200 ч., въ Рязанскомъ полку раненъ прапорщикъ Гусельниковъ, потери нижнихъ чиновъ не опредѣлены, во всякомъ случаѣ убитыхъ не было.

Дѣло 6-го октября, веденное при другой обстановкѣ, могло бы дать болѣе серьезные результаты, но все же это была первая побѣда на русской землѣ, одержанная надъ французами. Не даромъ Государь писалъ Кутузову: «Я льщу себя надеждою, что сіе есть начало, долженствующее имѣть за собою еще важнѣйшія послѣдствія.»

Послѣ боя Рязанцы не вернулись въ Тарутинскій лагерь, они вмѣстѣ съ полками 2-го и 4-го пѣхот. корпусовъ, кавалеріей Корфа и Васильчикова составляли авангардъ арміи подъ начальствомъ г. Милорадовича, который выдвинулся къ дер. Богородское.¹⁴⁰

Между тѣмъ, о Тарутинскомъ сраженіи Наполеонъ узналъ въ тотъ же день. Переходъ русскихъ въ наступленіе сильно встревожилъ

его и ускорилъ приказъ выступить изъ Москвы и выступленіе началось 6-го октября. Самъ Наполеонъ оставилъ древнюю столицу 7 числа. Планъ Императора французовъ заключался въ томъ, чтобы обойти нашу армію у Тарутина, съ лѣваго фланга и выйти на путь Калуга—Смоленскъ, еще неразоренный войною.

Французы шли сначала по старой Калужской дорогѣ до Красно-Пахры, откуда свернули на Ново-Калужскую дорогу, заняли Фоминское и устремились къ Малоярославцу.

Первое свѣдѣніе о появленіи французовъ у Фоминскаго получено 7-го октября; предполагали, что это незначительный отрядъ, но уже 10-го октября партизанъ Сеславинъ донесъ, что въ Фоминскомъ Наполеонъ, что французы оставили столицу.

Въ этотъ знаменательный моментъ перелома кампаніи Рязанскій полкъ, какъ извѣстно, находился въ авангардѣ, коему приказано произвести усиленную рекогносцировку по старой Калужской дорогѣ, дабы опредѣлить настоящее направленіе французскихъ войскъ, противъ авангарда находящихся. Выяснивъ обстановку, авангардъ наблюдаетъ противника казаками, самъ же поворачиваетъ къ Тарутину и слѣдуетъ за главными силами арміи, которая тѣмъ временемъ слѣдуетъ къ Малоярославцу, съ цѣлью преградить путь французамъ.

Вечеромъ 11 октября русская армія оставила Тарутинскій лагерь. Рязанцы рекогносцировали къ сторонѣ Воронова. Убѣдившись въ отступленіи противника, авангардъ немедленно же повернулъ вслѣдъ за арміей.

Весь день 12 октября шелъ кровавый бой у Малоярославца; туда слѣшилъ полкъ черезъ Бавъ-Колодезь и Угодскій желѣзный заводъ. Совершивъ усиленный переходъ въ 50 верстъ, Рязанцы къ вечеру подошли на поле сраженія, имѣя въ 2-хъ баталіонахъ на лицо:¹⁴¹ 26 оберъ-офицеровъ, 54 унтеръ-офицера, 27 музыкантовъ, 508 строевыхъ рядовыхъ, 188 Московскихъ ополченцевъ, 181 рекрутъ—итого 877 ч. «Ты ходишь скорѣе, чѣмъ летаютъ ангелы,» сказалъ князь Кутузовъ начальнику авангарда, обрадованный его прибытіемъ.

Городъ Малоярославецъ горѣлъ. Пожаръ ярко освѣщалъ окрестности. Все предвѣщало на утро генеральное сраженіе. Къ великому,

однако, удивленію его не послѣдовало. Наполеонъ по совѣту своихъ приближенныхъ отказался проложить себѣ оружіемъ путь къ Калугѣ.

Князь Кутузовъ же, боясь быть отрѣзаннымъ отъ южныхъ областей Имперіи и обойденнымъ съ лѣваго фланга, рѣшилъ приблизиться къ Калугѣ. Такимъ образомъ 14 октября обѣ арміи, русская и французская, отходили въ одно и то же время отъ Малоярославца. Рязанскій полкъ прикрывалъ отступленіе и простоялъ на позиціи въ 2¹/₂ верстахъ отъ города весь день до ночи съ 14 на 15 число, обмѣниваясь выстрѣлами съ арьергардомъ противника, затѣмъ потянулся къ Афанасьеву.

Между тѣмъ получены извѣстія о движеніи французовъ отъ Боровска и Вереи на Медынь; къ этому послѣднему пункту для прегражденія имъ дороги направился полкъ. Вслѣдствіе ложныхъ слуховъ, что непріятель дошелъ уже Медыня, свернули влѣво къ Адамовскому и ночь съ 15 на 16 октября провели у Чернолоки. 16-го Рязанцы прибыли въ Адамовское. Французовъ нигдѣ не было видно, ибо Наполеонъ съ большей частью арміи направился на большую Смоленскую дорогу, т. е. на тотъ путь, по которому шелъ къ Москвѣ.

18-го октября полкъ тронулся дальше; достигли Егорьевскаго, откуда, слѣдуя все время въ составѣ авангарда, повернули 19-го къ Гжатску. Теперь начиналось знаменитое фланговое преслѣдованіе отступающей арміи Наполеона. Растянувшись на 90 верстъ, она имѣла сзади себя казаковъ атамана Платова, лѣвѣе и параллельно ей на Гжатскъ и Царево-Займище двигался нашъ авангардъ, подъ прикрытіемъ котораго шли главныя силы съ княземъ Кутузовымъ, направляясь къ Вязьмѣ, а партизанскіе отряды съ обоихъ фланговъ. Хотя и изнуренные голодомъ, французы отступали очень быстро—это мѣшало имѣть вѣрныя свѣдѣнія о положеніи и числѣ ихъ. «Непріятель бѣжитъ, какъ никогда еще не бѣжала никакая армія,» писалъ Платовъ въ одномъ изъ своихъ донесеній. Дабы отрѣзать хоть часть его арьергарда, рѣшено было идти къ Цареву-Займищу, гдѣ мѣстность благопріятствовала внезапному нападенію. Для атаки назначено утро 21 октября. Послѣдній переходъ совершенъ съ соблюденіемъ строжайшей тишины, бивачные огни не разводились.

На развѣтъ 21-го числа прибыли Рязанцы къ Цареву-Займищу и остановились у длинной обсаженной тополями насыпи, по которой пролегаетъ Вяземская дорога, выжидая сигнала къ атакѣ, но сигнала не послѣдовало. Пылкій принцъ Евгений, начальникъ 4-й дивизіи, испортилъ весь намѣченный планъ. Несмотря на категорическое запрещеніе, онъ еще до вечера наканунѣ завязалъ перестрѣлку съ французами. Естественно послѣдніе держали себя осторожно, на отдыхъ не располагались и въ теченіи ночи миновали благополучно опасное дефиле.

Вообще, какъ говорятъ, въ авангардѣ порядку было мало. Г. Милорадовичъ храбрый, хладнокровный въ бою, нисколько не заботился о точномъ выполненіи войсками его распоряженій. Каждый, что хотѣлъ, то и дѣлалъ, вовсе не стремясь къ согласованію дѣйствій для достиженія общей цѣли.

Проведя ночь на 22 октября у с. Спаскаго въ небольшомъ переходѣ отъ Вязьмы, полкъ въ 4 часа пополудни выступилъ къ большой Смоленской дорогѣ.

Весь авангардъ двигался тремя колоннами—Рязанцы въ правой колоннѣ г. л. Олсуфьева (17 дивизіи и 2 кавал. корпусъ). Въ 8 часовъ утра, миновавъ деревню Максимово, кавалерія первая увидѣла неприятеля, развернулась и, пользуясь своимъ превосходствомъ, дерзко пошла въ атаку. Такъ началось сраженіе 22 октября подъ Вязьмою. Отступающіе по Смоленской дорогѣ французы занимали слѣдующее положеніе: корпусъ Нея находился у д. Кропивны къ югу отъ Вязьмы, Понятовскій и вице-король, пройдя д. Мясоѣдово, только еще двигались къ Вязьмѣ, за ними разобщенный обозами и толпами безоружныхъ солдатъ шелъ корпусъ маршала Даву, преслѣдуемый съ тыла казаками Платова; голова корпуса Даву только что подходила къ Федоровскому.

Атака нашей кавалеріи была очень удачна вначалѣ. Уже одна разсѣянная бригада бѣжала въ безпорядкѣ, какъ неприятель, замѣтивъ отсутствіе пѣхоты, опомнился, самъ перешелъ въ наступленіе и отбросилъ ближайшіе эскадроны, преграждавшіе ему путь къ Вязьмѣ. Какъ разъ въ это время на поле сраженія прибыли баталіоны 17 дивизіи. Было 9 часовъ утра.

У. д. Гавратки, развернувшись въ одну линію, Рязанцы взяли направленіе на правый флангъ войскъ Даву, полки 4 дивизіи стали поперекъ дороги, отрѣзывая французамъ отступленіе.

Такимъ образомъ гибель противника, окруженнаго со всѣхъ сторонъ, была неизбѣжна. Но удара не послѣдовало. Г. Милорадовичъ, завидя, что Понятовскій и вице-король остановились у Мясоѣдова, дабы выручить Даву, побоялся за тылъ 4-й дивизіи. Онъ приказалъ ей сойти съ дороги, занять вдоль ея кусты и атаковать только съ фланга. Рязанскій полкъ очутился теперь правѣе 4-й дивизіи и постепенно, подаваясь впередъ, около полудня вошелъ въ связь съ частями дивизіи Г. Л. Паскевича, который, смѣнивъ казаковъ Платова, велъ наступленіе на тылъ французовъ.

Поражаемый продольнымъ огнемъ батарей, атакованный пѣхотой съ праваго фланга и тыла, казаками Платова съ лѣваго фланга, корпусъ Даву отступалъ въ полнѣйшемъ разстройствѣ на позицію между Ржавцемъ и хуторомъ Рибоньера. Войска вице-короля готовились принять бѣглецовъ. Вскорѣ Даву, свернувъ съ большой дороги, примкнулъ къ лѣвому флангу позиціи подъ большимъ острымъ угломъ. На эту позицію, совмѣстно съ прочими частями авангарда, двинулись въ атаку Рязанцы, предшествоваемые огнемъ болѣе нежели 80 орудій. Французы однако не приняли рѣшительнаго боя, они отошли сначала къ Вязьмѣ и заняли высоты впереди города, затѣмъ перешли въ полное безостановочное отступленіе. Уже день склонялся къ вечеру, когда въ объятый пламенемъ городъ вступилъ полкъ. Среди облаковъ дыма и пламени, объявившихъ большую часть строеній, а въ числѣ ихъ и госпитали, переполненные ранеными, живо прошли Рязанцы, переправились черезъ рѣку Вязьму и заняли окраину города у Смоленской заставы. Сраженіе кончилось въ 6 часовъ пополудни; непріятель, отойдя нѣсколько верстъ, расположился въ большомъ лѣсу, близъ Вязьмы остался въ аріергардѣ корпусъ Нея, одна изъ батарей котораго на городскомъ кладбищѣ время отъ времени стрѣляла по нашимъ бивакамъ, вытянувшимся между городомъ и дер. Кропивной.

Дѣло подъ Вязьмою нанесло такой ударъ великой арміи, послѣ котораго она уже не могла оправиться. 4 т. убитыхъ и раненыхъ,

болѣе 3 т. плѣнныхъ ниж. чиновъ, 30 офицеровъ, одинъ генералъ (Пелетъ), три орудія и знамя были трофеями для насъ. Уронъ русскихъ не превышалъ 800 ч., въ томъ числѣ Рязанскій полкъ потерялъ ранеными 34 человѣка.

23-го октября выпалъ снѣгъ и продолжался всѣ послѣдующіе дни. Дорога покрылась гололедицей, лошади скользили и падали во множествѣ. Не имѣя пищи, одежды и обуви, непріятель страдалъ отъ стужи. Понемногу исчезла дисциплина; всѣ связи дружбы, родства и преданности—уступили чувству самосохраненія. Товарищи обирали раненыхъ и больныхъ своихъ. По утрамъ мѣста французскихъ биваковъ обозначались трупами. Наши биваки окружены были толпами безоружныхъ враговъ, которыхъ солдаты нерѣдко угощали сухарями и кашницей. Между тѣмъ морозъ все крѣпчалъ и при сильномъ вѣтрѣ доходилъ до 12°.

Послѣ дѣла при Вязьмѣ, Рязанскій полкъ, дойдя до Смоленска, вышелъ на большую дорогу и, въ составѣ авангарда, повелъ преслѣдованіе противника съ тыла, казаки Платова сошли съ дороги и слѣдовали правѣе ея. 26 октября передовыя части авангарда атаковали французовъ при переправѣ черезъ Вязьму и опрокинули ихъ къ Дорогобужу.

Въ Дорогобужѣ, вслѣдствіе дурной погоды, полкъ остановился на ночлегъ; шелъ сильный снѣгъ, мятель ослѣпляла людей. Изъ Дорогобужа Рязанцы опять пошли влѣво отъ большой дороги, направляясь къ главнымъ силамъ арміи, которая находилась въ окрестностяхъ Ельни. Черезъ Касково, на рѣкѣ Ужѣ (27 октября), полкъ 28 числа прибылъ въ Алексѣево. 29 октября въ приказѣ по арміи писалъ кн. Кутузовъ: «Настаетъ зима, вьюги и морозы, вамъ ли ихъ бояться, дѣти сѣвера? Желѣзная грудь ваша не страшится ни суровости погоды, ни злобы враговъ; она есть надежная стѣна Отечества, о которую все сокрушится. Пусть всякій помнитъ Суворова; онъ научалъ сносить и голодъ, и холодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ и славѣ русскаго народа. Идемъ впередъ, съ нами Богъ!»

Изъ Алексѣева полкъ перешелъ къ с. Ляхову, по дорогѣ изъ Ельни въ Смоленскъ, а на слѣдующій день, т. е. 30 октября сталъ

у Сверчкова и дер. Лазаревой впереди главныхъ силъ арміи, бывшей у Лабкова. 1-го ноября морозъ усилился до 17°. Къ вечеру Рязанцы прибыли въ Червоное, откуда на слѣдующій день приказано маршировать къ Рогайлову и Задорожю съ тѣмъ, чтобы у деревни Ржевки выйти на большую дорогу и предупредить здѣсь отступающихъ французовъ.

Совершая переходы въ 25 верстъ и болѣе по проселочнымъ дорогамъ, заваленнымъ глубокимъ снѣгомъ, въ сильную стужу полкъ не понесъ почти вовсе потерь, а неблагоприятныя условія не повліяли на духъ людей. Но лишенія только еще начались.¹⁴² 3-го ноября при сильной стужѣ полкъ дошелъ до Княгинина. Наполеонъ въ то время покинулъ Смоленскъ и съ гвардіей направлялся къ Оршѣ, ускоряя маршъ, дабы не быть захваченнымъ русскими на Березинѣ. Выходъ кн. Кутузова съ главными силами на Мстиславльскую дорогу сильно беспокоилъ его. Отъ дер. Ржевки французы повернули къ г. Красному, но маршъ ихъ не обошелся благополучно. Частями нашего авангарда, развернувшимися влѣво отъ большой дороги, захвачено около 2 т. нижнихъ чиновъ и 11 орудій. Рязанскаго полка здѣсь не было, онъ находился еще далеко позади, слѣдуя въ колоннѣ 2-го корпуса и только къ вечеру достигъ д. Угрюмой въ 4-хъ верстахъ отъ большой дороги, гдѣ и остановился на ночлегъ. Между тѣмъ Наполеонъ, занявъ 3-го ноября г. Красный, рѣшилъ выжидать слѣдующихъ отъ Смоленска корпусовъ Даву, Нея и вице-короля и, по вѣрѣ возможности, содѣйствовать ихъ отступленію. Катастрофа, однако, была очень близка. Авангардъ нашъ уже окончилъ фланговое передвиженіе и съ утра 4-го ноября стоялъ у села Мерлина, въ ожиданіи появленія непріятельскихъ войскъ со стороны Смоленска. Наконецъ, около 4 часовъ пополудни на дорогѣ и по сторонамъ ея показались группы казаковъ, сдерживаемыя выстрѣлами французскихъ колоннъ вице-короля. На каждомъ шагу падали люди и лошади, непріятель массами бросалъ оружіе. Вотъ развернулись поперекъ дороги за оврагомъ 44 нашихъ орудія и открыли огонь. Французы дрогнули, но прискакалъ Милорадовичъ и приказалъ прекратить сраженіе. Говорятъ, что рѣшительной встрѣчи съ непріятелемъ кн. Кутузовъ распорядился избѣгать. Взамѣнъ боя предложено французамъ положить оружіе; высокомерно они отвергли это. Произошла оже-

сточенная схватка. Подъ прикрытіемъ быстро наступившихъ сумерокъ французы успѣли избѣгнуть угрожавшей имъ бѣды и отступить къ г. Красному. Рязанскій полкъ послѣ боя ночевалъ на дорогѣ между с. с. Мекулинымъ и Мерлинымъ.

На слѣдующій день у Краснаго предстояло несомнѣнно сраженіе. Съ одной стороны Наполеонъ хотѣлъ спасти находящихся еще позади Даву и Нея, съ другой кн. Кутузовъ—ослабить великую армію.

Въ такомъ духѣ дана авангарду диспозиція на 5 ноября тѣснить непріятеля къ Красному и своимъ лѣвымъ флангомъ примкнуть къ правому флангу отряда кн. Голицына, который черезъ Уварово шелъ прямо на городъ. Главныя силы арміи направлялись на Доброе, западнѣе Краснаго.

Гибель Наполеона, казалось, была неизбежна, но дерзость его возрастала по мѣрѣ увеличенія опасности; онъ рѣшилъ самъ перейти въ наступленіе и атаковать русскую армію.

Подъ утро полкъ въ составѣ авангарда совершилъ фланговое движеніе къ д. Ларионовой и расположился въ сосѣдствѣ большой дороги. Въ 9 час. утра, какъ только голова колонны Даву (7500 ч., 15 орудій) поровнялась съ нашими войсками, 52 орудія первой линіи открыли огонь и Рязанскій полкъ устремился противъ непріятеля. Первые же выстрѣлы артиллеріи разсѣяли колонну французовъ, остатки ея бросились вправо отъ дороги; казаки преслѣдовали и брали много плѣнныхъ.

Едва лишь начался бой, какъ г. Милорадовичъ, слѣдуя диспозиціи, приказалъ прекратить его и ограничиться только преслѣдованіемъ съ тыла, но этого не было сдѣлано; полкъ почти до самаго вечера оставался въ бездѣйствіи. Наполеонъ, хотя и съ большими потерями, 9 т. плѣнныхъ, 70 орудій, два знамени и жезлъ маршала Даву, отступилъ по дорогѣ въ Ляды.

Уже поздно вечеромъ Рязанцы стали бивакомъ между г. Краснымъ и д. Воскресенское и Доброе. Кн. Кутузовъ перенесъ въ Доброе свою главную квартиру и по дорогѣ туда, увидя полнѣйшій

разгромъ французовъ, впервые со времени прибытія въ армію, пустивъ въ галопъ коня, подсекалъ къ колоннѣ Преображенскаго полка, крича «ура.» Это «ура» было подхвачено нашими баталіонами и долго гремѣло по поляхъ Краснаго. На позиціи у Краснаго полкъ оставался до 7 ноября. Здѣсь, пользуясь кратковременнымъ отдыхомъ, приведены въ исполненіе нѣкоторыя Высочайшія повелѣнія, между прочимъ 17-я дивизія выдѣлена изъ состава 2-го корпуса и вмѣстѣ съ 8 дивизіей образовала VIII корпусъ Г. Л. кн. Долгорукова, причисленнаго къ главнымъ силамъ арміи.¹⁴³ 8-го числа прибылъ къ Романову, въ окрестностяхъ котораго расположился по квартирамъ въ ожиданіи переправы черезъ Днѣпръ авангарда. Между тѣмъ съ 6-го ноября наступила оттепель; 8 пошелъ дождь, продолжавшій въ перемѣжку нѣсколько дней сразу; движеніе войскъ сдѣлалось весьма тягостно. Съ трудомъ, подаваясь впередъ, Рязанцы черезъ д. Морозовую (11-го) достигли 12 ноября Копыса; 14 перешли къ Староселю, двигаясь на Круглое (15-го), Хомры (16-го) и 17 прибыли въ селеніе Михеевичи. Такимъ образомъ заключительный актъ кампаніи 1812 года, разыгравшійся, на Березинѣ, обошелся безъ ихъ участія. Но дѣло, строго говоря, уже раньше было кончено. Послѣ 17-го ноября морозы достигли 27°. Во французской арміи все смѣшалось въ безпорядочную толпу и нашимъ войскамъ оставалось не сражаться, а просто гнать передъ собою противника, подвергаясь съ ними, конечно, наравнѣ голоду и холоду. 19-го полкъ былъ у с. Уши, затѣмъ двинулся на Раваницы (20-го), Шипяны (22-го), Дубовку (23-го), городомъ Тишкевиче, Саломеричи (26-го), Раковъ (27-го), Киселяны (28-го) и м. Воложинъ (29-го).

Приказъ кн. Кутузова отъ 29-го ноября изъ Вильно прекратилъ, наконецъ, маршъ богатырей. Главной арміи повелѣно стать на квартирахъ между Вилькомиромъ и верхнимъ Нѣманомъ, до присоединенія къ ней отсталыхъ и выздоравливающихъ людей, а равно въ ожиданіи прибытія подкрѣпленій. Рязанскій полкъ, пройдя Вишневу, 2-го декабря расположился во дворѣ Сурвелишки.¹⁴⁴

На походѣ въ окрестностяхъ Вильно много претерпѣли Рязанцы. Вотъ что читаемъ въ одномъ изъ приказовъ по арміи:¹⁴⁵ «отсталыхъ присоединять къ арьергарду и на ночлегахъ къ своимъ коман-

дамъ. тѣхъ же, которые подъ видомъ слабости остаются для обирания съ мертвыхъ труповъ платья и прочаго по дорогѣ, наказывать строго для примѣра другимъ.»

До чего дошло разстройство русскихъ войскъ, видно изъ рапорта кн. Бутузова отъ 7-го декабря, гдѣ, между прочимъ, говорится, что армія отъ безпрестанныхъ дѣйствій, отъ убитыхъ непріятелемъ, отъ раненныхъ, а еще болѣе отъ заболѣвшихъ и отсталыхъ пришла въ такое состояніе, что слабость ея въ числѣ людей надлежало утаить не только отъ непріятеля, но и отъ самихъ чиновниковъ въ арміи служащихъ; для того свѣдѣнія собрать частью по полкамъ и бригадамъ, дабы, такимъ образомъ, составить цѣлое хотя и не совсѣмъ вѣрное.

Въ рапортѣ о состояніи Рязанскаго полка къ 1-му декабря, поданномъ Государю Императору командующимъ полкомъ, майоромъ Новиковымъ, показано на лицо:

Оберъ-офицеровъ 22,
Унтеръ-офицеровъ 47,
Музыкантовъ 22,
Рядовыхъ 315,
Нестроевыхъ 166,
Лошадей 35.

Число больныхъ въ госпиталяхъ составляло 964 челов. ниж. чиновъ.¹⁴⁶ Причиною болѣзней были: недостатокъ воды, зараженной кромѣ того тѣлами гніющихъ труповъ, недостатокъ пищи и усиленные переходы въ суровую зиму. На маршѣ отъ Березины вѣйска проходили въ среднемъ около 20 верстъ въ сутки, однако утомлялись до чрезвычайности. Одежда изнашивалась въ нѣсколько дней. Многіе солдаты были снабжены полушубками, но многіе добывали ихъ сами, обувались въ кенги, валенки, носили наушники, либо окутывались чѣмъ попало. Пройдя верстъ 20 и болѣе по глубокому снѣгу, солдаты торопливо разводили огонь, варили кашицу, если было изъ чего, садились вокругъ костровъ, леденѣя съ одного и обжигаясь съ другого боку. Офицеры и генералы переносили всѣ лишения наравнѣ съ рядовыми и походы совершали зачастую пѣшкомъ, чтобы согрѣться; все же многіе отмораживали руки и ноги.

Положеніе бѣгущаго непріятеля было, конечно, гораздо ужаснѣе. Число людей великой наполеоновской арміи, оставившей предѣлы Россіи, составляло 400 пѣшихъ гвардейцевъ и 600 ч. кавалеріи гвардіи, обломки прочихъ корпусовъ изображали знамена въ сопровожде- ній ничтожныхъ группъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ.

3-го декабря казаки Платова заняли г. Ковно. Изъ войскъ Наполеона оставались еще на русской землѣ австрійцы и саксонцы, но и они вскорѣ (13-го декабря) отошли отъ Вѣлостока къ Пулту-ску. Между тѣмъ главная наша армія расположилась по квартирамъ между Вилькомиромъ и Волчиномъ. Рязанскій полкъ 5 декабря сталъ окончательно въ Ошмянахъ. На время квартирной стоянки предпи- сано: людей размѣщать попросторнѣе, въ квартирахъ поддерживать умѣренную теплоту, солдатъ занимать ежедневно по 2 часа легкими упражненіями, наблюдая, чтобы они имѣли каждый день горячую пи- щу, а особенно щи изъ кислой капусты и по возможности водку. Пить воду изъ рѣкъ или колодцевъ воспрещено; караульнымъ имѣть теплую одежду и смазывать ножные пальцы саломъ; заболѣвающихъ кашлемъ и легкимъ разстройствомъ желудка поить сбитнемъ съ им- биремъ или съ водкой.

Преобладающей болѣзью былъ тифъ, а отличительными призна- ками его: уныніе, потеря аппетита, тошнота, совершенное разслабленіе мускульной системы, сухой жаръ кожи и несносная жажда. При ле- ченіи тифа оказывали пользу возбуждающія средства. Въ началѣ болѣзни иногда давали рвотное; лечили также хиною, камфорой, сѣрнымъ эфиромъ, изъ наружныхъ средствъ употребляли горчицу и испанскую мушку. Одержимые тифомъ рѣдко когда выздоравли- вали, обыкновенно же послѣдствія его: чахотка, затвердѣніе почекъ и т. д.

Остановка полка у Ошмянъ не была продолжительна. 11-го де- кабря въ 5 часовъ пополудни въ Вильно прибылъ Государь Импера- торъ и слова Его Величества, обращенныя къ представителямъ арміи: «Вы спасли не только Россію, вы спасли Европу,» указывали, что не наступилъ еще конецъ тревогамъ войны. Правда, Наполеонъ по- терпѣлъ крупное пораженіе, но какъ богатый запасъ нетронутыхъ еще средствъ, имѣвшихся въ его распоряженіи, такъ и блескъ име-

ни поваго цезаря, заставляя предполагать, что неминуемо захочетъ онъ воротить утраченное. А въ такомъ положеніи оставалось одно: ковать желѣзо пока горячо, не давать возможности оправиться противнику, окончательно сорвать съ его головы вѣнокъ необходимаго и, появленіемъ русскихъ дружинъ на поляхъ западной Европы, вернуть въ народахъ, подавленныхъ страхомъ, чувства собственного достоинства, національной гордости.

Возблагодаривъ Бога за спасеніе Россіи, помощи Его Одного приписавъ неслыханные успѣхи въ борьбѣ съ великимъ завоевателемъ, Государь приказалъ своимъ войскамъ перейти границы Имперіи. 20-го декабря при м. Вороновѣ собрались войска 3-го корпуса, а 21 тронулись Рязанцы по направленію къ границѣ, благословляемые святой православной Церковью на новые труды, на новые подвиги. Достигнувъ въ этотъ день мѣстечка Радуня, полкъ черезъ с. Рудню (22-го) и м. Марцинканце (24-го) прибылъ 25-го октября въ Кобели. По квартирамъ въ окрестныхъ деревняхъ провели Рязанцы праздникъ Рождества Христова, 30-го декабря выступили къ м. Ротницѣ, 31-го числа у этого мѣстечка перешли Нѣманъ и подвинулись къ с. Кончеву.¹⁴⁷

Войны! писалъ Императоръ Александръ I-й въ приказѣ по арміи, славный и достопамятный годъ, въ которомъ неслыханнымъ и примѣрнымъ образомъ поразили и наказали дерзнуваго вступить въ Отечество наше лютаго и сильнаго врага, славный годъ сей минулъ, но не пройдутъ, не умолкнутъ содѣянные въ немъ громкія дѣла и подвиги ваши. Потомство сохранитъ ихъ въ памяти своей. Вы кровью своею спасли Отечество отъ многихъ совокупившихся противъ него народовъ и царствъ. Вы трудами, терпѣніемъ и ранами приобрѣли благодарность отъ своихъ и уваженіе отъ чужихъ державъ. Вы мужествомъ и храбростью своею показали свѣту, что гдѣ Богъ и вѣра въ сердцахъ народныхъ, тамъ хотя бы вражескія силы подобны были волнамъ океана, но всѣ онѣ о крѣпость ихъ, какъ о твердую непоколебимую гору, разсыпаются и сокрушаются. Изъ всей ярости и свирѣпства ихъ остается одинъ только стонъ и шумъ погибели. Войны! Въ ознаменованіе сихъ незабвенныхъ подвиговъ вашихъ повелѣли мы выбить и освятить серебрянную медаль, которая

съ начертаніемъ на ней прошедшаго столь достопамятнаго 1812 года, долженствуетъ на голубой лентѣ украшать непреодолимый щитъ Отечества—грудь вашу. Всякъ изъ васъ достоинъ носить на себѣ сей достопочтенный знакъ, сіе свидѣтельство трудовъ храбрости, участія въ славѣ, ибо всѣ вы одинакую несли тяготу и единодушнымъ мужествомъ дышали. Вы по справедливости можете гордиться симъ знакомъ, онъ являетъ вамъ благословляемыхъ Богомъ истинныхъ сыновъ Отечества. Враги ваши, видя его на груди вашей, да вострепещутъ вѣдая, что подъ нимъ пылаетъ храбрость, не на страхѣ или корыстолюбіи основанная, но на любви къ вѣрѣ и Отечеству—слѣдовательно ничѣмъ непобѣдимая.»
